

18+

Алиса Каримова

Лабиринты сознания в поисках панацеи

роман-антиутопия

Алиса Каримова

**Лабиринты сознания
в поисках панацеи**

«Издательские решения»

Каримова А. А.

Лабиринты сознания в поисках панацеи / А. А. Каримова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-620466-9

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** В
романе раскрываются проблемы выбора между горькой правдой и
комфортным заблуждением, между жизнью и смертью пациентов, больных
раком, и борьбе за право на исцеляющее лекарство. Вместе с героями
читатель сможет пережить катарсис, разочароваться в медицине и вновь
поверить в ее силу.

ISBN 978-5-00-620466-9

© Каримова А. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лабиринты сознания в поисках панацеи

Алиса Алексеевна Каримова

Иллюстрации Нейросеть генеративной модели Kandinsky (портал FusionBrain.AI)

© Алиса Алексеевна Каримова, 2025

ISBN 978-5-0062-0466-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Каждый день был похож на предыдущий. Жизнь будто бы затаила дыхание, всматриваясь в однотипный сюжет, мелькающий на мониторе. В тщетных попытках понять смысл своей жизни большинство стремилось оказаться по ту сторону экрана, чтобы проживать радости и горести, не задумываясь о финале своей личной истории и уж тем более истории человечества. Происходящее не было компьютерной симуляцией, но иногда у тех, кто замедлялся в этом мелькающем потоке, возникало ощущение событийной развилки, и реальность для них расслаивалась на потоки. Иногда потоки сменяли друг друга или хаотично смешивались, и тогда могло показаться, что жизнь и смерть – это одно и то же. Тех, кто это ощущал слишком явственно, справедливо признавали сумасшедшими. Но одно оставалось неизменным для всех, вне зависимости от их роли и места в грандиозном шоу жизни – их так давно сопровождало чувство неопределенности, что оно уже перестало вызывать тревогу. Психика людей с незапамятных времен стала эволюционно адаптированной к неопределенности. Лишь иногда могло рябить изображение на экране сознания, напоминая о том, что пора менять телевизор.

В этой социально-психологической парадигме люди стали безразличными к постоянным вспышкам эпидемий и росту заболеваемости быстро прогрессирующими формами рака, несмотря на то что жизнь их близких могла оборваться в любой момент. Медицина выглядела жалкой и слабой под нарастающим гнетом глобального бремени болезней, несмотря на самоотверженные попытки врачей принести себя в жертву ради спасения нескольких сотен или даже тысяч пациентов в ходе исследования новых вакцин и лекарств.

Об этом всем не стоило думать, ведь у каждого гражданина лучшей в мире страны были свои обязанности и заботы на каждый день. От того, насколько старательно человек работал, зависела и его жизнь, и порой даже жизнь его близких. Если человек был нужен обществу, то

общество могло поддерживать его в жизнеспособном состоянии гораздо дольше. Излишняя продуктивность индивидуумов – супер-производителей общественно полезных благ высшей ценности, конвертировалась в налоги, что позволяло государству поддерживать представителей первой и отчасти даже второй группы общественной полезности. Рядовой производитель общественного блага относился к первой категории полезности, но после его ухода на покой по старости или по болезни, он сразу же переходил во вторую категорию, если только среди его родственников не находился кто-то из высшей категории общественной полезности.

В любом случае каждый имел шанс сделать свою жизнь достаточно комфортной, получить право на лечение, право на лекарство. И все же складывалось впечатление, что эти права были как-то неравномерно распределены даже внутри категорий. Да и можно ли распределить их равномерно? Как определить, кто нуждается в лечении больше? Кто полезнее обществу сейчас или в будущем? Политики, врачи и ученые отвечали на этот вопрос по-разному.

Свои соображения имела и Аделина Архангельская – молодой ученый в области организации снабжения лекарствами и провизор последней в городе общенациональной аптеки. Сфера научных поисков Аделины в любой момент могла быть переведена из категории высшей полезности в первую, как и профессия провизора в целом. Эта специальность даже сейчас мало кому известна, хоть и ведет свою историю со славных времен алхимиков, так что Аделина, несмотря на то что ей не исполнилось еще и тридцати, уже чувствовала себя исчезающим видом динозавров, которому готовится место в палеонтологическом музее. Она понимала, что в скором времени ей придется идти на работу в больницу или отправляться на войну, чтобы сохранить за собой «высшую категорию». Но пока она, как и любой другой «музейный экспонат», все еще была востребованной на кафедре в медицинском университете, где коллеги уважительно называли ее Аделина Викторовна и старались дать ей побольше работы, чтобы она не чувствовала себя одинокой и ненужной.

На самом же деле Аделина вовсе не чувствовала себя одинокой, но она ничего не имела против больших объемов работы, ведь ей нужно было поддерживать своих пожилых родителей, в противном случае их могли в любой момент отнести ко второй категории общественной полезности. Старшая сестра ей в этом не могла помочь, ведь она сама оставалась в первой категории вместе со своими детьми только благодаря мужу, отправившемуся год назад добровольцем на общенациональный фронт. Но, если он там погибнет...

Аделина привычно спрятала в дальний ящик своего сознания тревожные мысли о семье. Зачем волноваться о том, что не произошло? Лучше сконцентрироваться на задачах сегодняшнего дня. Она выключила приторное утреннее радиошоу, которое начиналось сразу же после оглашения списков погибших накануне героев, еще раз прокрутила в голове свою идею о совершенствовании умной системы распределения лекарств для пациентов с разными категориями общественной полезности, проверила все бумаги и отправилась в университет. Привычная дорога не заняла много времени, и уже вскоре девушка стояла перед дверью самого уважаемого профессора в области фармацевтических (тех самых, вымирающих) наук – Трофимовой Ульяны Владимировны. Аделина робко постучала:

– Доброе утро! Разрешите войти?

– Проходи, Аделина, чем сегодня порадуешь? Ты подготовила набор данных для обучения нашего алгоритма?

Речь шла об Алгоритме Распределения Лекарств для пациентов их региона. Это был один из ключевых модулей Главного Алгоритма Распределения всевозможных благ, известный каждому гражданину лучшей в мире страны как ГАР. Такое простое и лаконичное слово – ГАР, но как много оно значило для обычных граждан! В этом слове был воплощен высший смысл и высшая надежда человечества – принцип Великой Справедливости, в соответствии с которым ГАР случайным образом определял очередность получения благ. На основе его кода работали все остальные Алгоритмы Распределения. Специализация в области лекарственного обеспечения предусматривала постоянное взаимодействие с Алгоритмом Распределения Лекарств, поэтому Аделина занималась подготовкой обновления для этого модуля. Работа эта казалась ей практически бессмысленной, ведь, несмотря на все их обновления, принципиально для пациентов ничего не менялось: их шансы на получение самых новых, самых эффективных лекарств были по-прежнему ничтожно малы, они могли рассчитывать только на самые простые и недорогие препараты, которые лишь на время облегчали симптомы тяжелых заболеваний. Понимая все это, Аделина, вздохнув, подтвердила готовность данных для обучения алгоритма:

– Да, я подготовила набор данных для обучения, и этого будет достаточно для запуска обновленного Алгоритма Распределения Лекарств. Но мне кажется, что он останется несовершенным, ведь три категории полезности – это слишком мало.

Ульяна Владимировна нахмурилась:

– Если бы я не знала тебя уже почти десять лет, то могла бы предположить, что ты подвергаешь сомнению общенациональные инструкции о принципах категоризации...

– Ни в коем случае! Я, как и Вы, считаю гениальной идею справедливой категоризации общественной полезности граждан, но мне кажется, что есть заболевания, требующие взвешенной оценки дополнительных факторов, которые могут быть обнаружены нами не только в социальном, но и в генетическом паспорте пациента. Я нашла интересные статьи по фармакогенетике рака, и с учетом этого мы могли бы прогнозировать шансы на реабилитацию пациентов после лечения и вероятность возвращения их к общественно полезному труду первой или даже высшей категории!

Речь Аделины была пламенной и наивной одновременно. Она приводила новые и новые факты, свидетельствующие о важности внесения радикальных изменений в работу ГАР, который определял очередность получения любых благ, в том числе лекарственных препаратов, для всех граждан их лучшей в мире страны. По мнению Аделины, обучение локальных моду-

лей ГАР для отдельных больниц или аптек не позволит достичь существенных улучшений в системе лекарственного обеспечения, по крайней мере для пациентов с онкологией. Нужно было использовать принципиально новые данные о пациентах со злокачественными новообразованиями для обучения ГАР. Уже через пару минут в глазах Ульяны Владимировны появился скепсис. Она жестом остановила полет научной фантазии Аделины и сухо сказала:

– Помнится мне, ты уже начинала разговор об исследовании фармакоэкономики противоопухолевых лекарств, и я посоветовала тебе заняться более важными проектами, а не копать в архивных статьях. Твоя научная деятельность будет куда более продуктивной, если ты направишь свою мысль в нужное русло. Необходимо заниматься текущими задачами, причем решать их быстрее и эффективнее. Зачем тебе онкология? Это крайне сложная и запутанная тема, ты с ней точно не справишься, этим занимаются куда более серьезные ученые и политики. Займись-ка лучше апробацией нашего модуля Алгоритма Распределения Лекарств в общенациональной аптеке.

– Ульяна Владимировна, наша последняя аптека может закрыться уже в этом году, ведь идет централизация всех поставок лекарств. Возможно, скоро вообще не останется привычных общенациональных аптек с лекарствами для граждан, и все препараты будут использоваться только в больницах. Может, хотя бы попробуем адаптировать алгоритм к больничной аптеке, чтобы не работать впустую?

Ульяна Владимировна вновь прервала ее резким жестом и буквально прошипела в самое лицо испуганной Аделины:

– Ты не должна рассуждать о том, впустую ты работаешь или нет. Ты должна выполнять текущие задачи дня, согласно плановому распоряжению. Все остальное – не твоего ума дело!

Аделина почувствовала себя глупым маленьким котенком, который даже не мог понять, за что его наказывают. Ведь она выполняет все задачи в срок, просто хочет попробовать сделать что-то новое, лучшее... Так, чтобы их наука сохраняла за собой право относиться к высшей категории общественной полезности, а ее семья сохраняла за собой право на лекарства. С трудом сдерживая слезы, она кивнула, выражая молчаливое согласие со словами профессора, и тихо сказала:

– Хорошо, я действительно должна вернуться к работе над текущими задачами и не беспокоиться о том, чем будет лечиться моя собственная семья, я опять поставила личные интересы выше общественных... Простите! Это не повторится!

С этими словами Аделина встала и резкими шагами направилась к выходу. У самых дверей Ульяна Владимировна ее окликнула:

– Аделина!

Девушка остановилась, незаметно вытерла слезы и обернулась.

– Я сказала это не для того, чтобы обидеть тебя, а для того, чтобы предупредить и... защитить от самой себя. Ты не понимаешь, насколько опасна онкология, и я сейчас не о болезни, а о самой политике регулирования жизни. Эта тема не для хорошеньких молодых девушек из высшей категории полезности. Подумай, кто будет заботиться о твоей семье, если с тобой что-то случится. Поэтому послушай мудрую женщину и возвращайся к работе. А если у тебя остается свободное время для всяких размышлений, то потрать его лучше на поиски мужа.

Аделине оставалось лишь поблагодарить профессора за совет и дождаться окончания этого дня, чтобы спокойно все обдумать дома. К счастью, дел у нее было много, так что время шло быстро.

Уже вечером, когда девушка шла по сумрачному парку, она решила, что все ее идеи действительно слишком наивны. Как она одна может изменить систему управления жизнями?

От этих размышлений ее отвлек неожиданный звонок. Уже третий за день, с одного и того же номера. Обычно Аделина не отвечала на звонки с незнакомых номеров, но в этот

момент она была готова пообщаться даже с оператором колл-центра. К удивлению, она услышала знакомый голос:

– Аделина? Как я рада, что наконец-то дозвонилась! Это Лена, ты помнишь меня? Мы вместе учились, я была на курс старше.

Разумеется, Аделина помнила Елену, она была королевой всех вечеринок в студенческие годы, но потом начала работать и прервала все контакты, напоминающие о ее беззаботной жизни. Но вот где она работала? Словно прочитав ее мысли, Елена продолжила:

– Слушай, я сразу к делу. Я все эти годы работала в аптеке в нашем онкологическом центре, который за городом, мы там на практике были... Там же я и с мужем своим будущим познакомилась. А сейчас ищу кого-то на это место вместо себя, уйду в декрет, муж наконец-то получил высшую категорию. Вот и вспомнила о тебе.

В такие минуты Аделина больше верила не в безликую Великую Справедливость ГАР, а в доброту Бога, Вселенной или ее личной феи. Предложение показалось ей лучшим из возможных, и она сразу же согласилась. Ее не пугало даже то, что добираться до онкоцентра будет сложно, ведь это все равно было лучше, чем оставаться работать в общенациональной аптеке, которая вот-вот закроется. Аделина, наконец, могла быть спокойна за свое будущее, и она заснула крепким сном праведника.

Аделина бежала через мрачный осенний лес к проглядывающему из-за старых деревьев белоснежному замку, который контрастно выделялся на фоне темных облаков. Ей нужно было во что бы то ни стало успеть попасть туда до поднятия моста. Но ее движения были медленными и скованными, каждый шаг давался с трудом, как если бы ей приходилось бежать под водой по дну илистого озера. Мост уже начали поднимать, и Аделина, не сумев хорошо за него ухватиться, упала в сухой ров, окружающий замок. Когда ее глаза привыкли к темноте, она увидела несколько пар желтых светящихся глаз. Это были львы, охраняющие замок. Девушка попробовала успокоить себя тем, что это всего лишь яркий сон, и она скоро проснется, но, невзирая на все усилия, никак не могла вырваться из объятий морфея. Она ощутила горячее дыхание одного из львов прямо на своей щеке, и одновременно с этим – холодок ужаса в своем сердце. И в этот момент тьма неожиданно рассеялась, и Аделина увидела светлого юношу в сверкающей неземным светом одежде. Он тихо сказал: «Не бойся, они не тронут тебя, их жертва я. Твое наказание лишь в том, чтобы увидеть мою смерть, но моя смерть даст тебе новую надежду».

Свет погас, и Аделину буквально оглушило громкое рычание львов, которые бросились на них со всех сторон. Она обхватила голову руками и зажмурила глаза, надеясь лишь на то, что все закончится быстро. Когда она открыла глаза, никакого рва со львами уже не было, она была одна в своей комнате. Сон испарился, оставив только небольшие следы крови на подушке. Спросонья Аделине показалось, что это кровь того самого юноши, но затем здравый смысл подсказал ей, что у нее снова повысилось внутричерепное давление, и кровь на подушку попала из ее собственного носа. «Хорошо быть ученым и иметь рациональные объяснения всему, что видишь», – подумала Аделина, прежде чем снова заснуть.

Глава 2

Аделина проснулась будто бы от толчка. В комнате гулял холодный ветер, создавая иллюзию присутствия гостей. Ей даже стало немного неловко за то, что она заставила их ждать, пока проснется. Никого, конечно, не было, но ее действительно ждали. Наскоро перекусив, она выехала на общенациональном электробусе для работников высшей категории. Дорога извивалась и петляла так часто, что, если в нее внимательно всматриваться, можно было почувствовать легкое головокружение. Но мало кто смотрел за окно, все были поглощены изучением своих электронных планировщиков с задачами текущего дня от их распорядителей. У Аделины список задач был пуст, так как ей нужно было пройти повторную активацию и настройку персонального распределителя задач на новом месте работы, если она будет принята. На последнем крутом повороте перед кладбищем не в меру разогнавшийся электробус слегка подбросило на лежащем полицейском, и водитель испуганно отдал честь возникшей перед ним голограмме Созвездия Героев.

Сразу за кладбищем Аделина увидела главное здание исследовательского онкологического центра имени Героев войны и трех социальных революций и приготовилась к выходу на остановке по требованию. Перед ней было поистине грандиозное сооружение, которое можно было назвать медицинским городком. Помимо десятиэтажного административного корпуса у онкоцентра было несколько терапевтических, хирургических и диагностических корпусов, а также отдельный корпус ядерной медицины в защищенном бетонном бункере. Рядом раскинулся реабилитационный жилой кампус для пациентов, который был отделен красивым аккуратным парком от более скромного (с позиции урбанистики) учебного кампуса для студентов и ординаторов общенационального медицинского университета. Вся территория медицинского городка была окружена проекционным забором, на котором постоянно транслировались впечатляющие успехи врачей в борьбе со злокачественными новообразованиями и истории пациентов, которые смогли победить болезнь и вернуться к общественно полезному труду. Аделина решила внимательно изучить территорию онкоцентра позднее, ближе к концу рабочего дня, и поспешила на встречу с главным врачом в административный корпус, выкрашенный в яркие цвета общенационального флага.

Внизу уже ожидала Елена, с ее электронным ключом они быстро поднялись на лифте прямо в кабинет секретаря, и вскоре Аделину пригласили пройти на собеседование. Кабинет главного врача Градова был обшит панелями из массива ценных пород дерева, на столе лежали бумажные документы в огромном количестве и несколько электронных табло с текущими задачами и отчетными данными, обновляющимися ежеминутно. Сам Лев Романович стоял у большого витражного окна и напряженно курил, выпуская целые облака едкого дыма. Когда Аделина негромко поздоровалась, он повернулся и уставился на нее тяжелым немигающим взглядом темно-карих глаз. Они молча смотрели друг на друга пару минут, и Аделина решила разрядить обстановку легкой улыбкой. Едкая усмешка проскользнула на его лице, и он спросил:

– Будете что-то говорить, или Вы только улыбаться научились в своей общенациональной аптеке? Ваше образование и социальная категория мне известны, не известна только Ваша цель работы здесь.

– Лев Романович, меня всегда привлекала онкология, здесь я всегда смогу быть общественно полезной, ведь это самое перспективное для науки место.

– Ничего другого я и не ожидал услышать, я уже получил рекомендательное письмо от профессора Трофимовой. Она сообщила, что Вы ответственный, исполнительный сотрудник, который проявляет некоторое любопытство к обучению Алгоритмов Распределения Лекарств на... грхм... некоторых нетрадиционных данных. Можете пояснить, что имеется в виду?

– Я вовсе не отрицаю значимость социальных характеристик пациентов при обучении Алгоритма Распределения Лекарств. Я лишь хотела добавить к ним генетические особенности пациентов, которые исследовались ранее. Эти исследования были вынужденно остановлены с началом Первой социальной революции. Частично старые банки данных сохранились, можно было бы начать с них и попробовать выявить взаимосвязи между определенными генетическими паттернами пациентов и эффективностью использования тех или иных противоопухо-

левых лекарств. Так мы смогли бы сделать Алгоритм Распределения Лекарств более совершенным и достичь лучших результатов в реабилитации пациентов.

Лев Романович был опытным организатором здравоохранения с большим трудовым стажем, и, как и многие другие руководители пожилого возраста, не считал себя ретроградом, но очень скептически относился к любым инициативам всех, кто был моложе его на добрых три десятка лет. Поэтому, услышав предложение Аделины, он брезгливо поморщился.

– Мы могли бы. Мы, знаете ли, многое могли бы. Но зачем? У нас есть задачи текущего дня. Биологические, или, как вы говорите, генетические особенности пациентов учитывают их лечащие химиотерапевты. Возобновлять исследования почти столетней давности для внесения изменений в отточенный Алгоритм Распределения Лекарств не вижу смысла, но если у Вас будет оставаться свободное время, то делайте с ним что хотите. Хотите потратить его на свои доисторические исследования – пожалуйста. Все данные открыты, но они не должны выходить за пределы нашего центра. В противном случае Вас ждет увольнение и лишение высшей категории на год с переводом на принудительные работы или отправкой на фронт.

Аделина хотела задать Градову еще пару вопросов, но он жестом указал ей на дверь и сказал:

– Ваш рабочий день начался, пройдите на активацию Вашего персонального распределителя и приступайте к выполнению текущих задач. Меня своими идеями прошу не отвлекать от более важных дел.

Елена ждала свою университетскую подругу в кабинете секретаря и, как только Аделина вышла от Градова, буквально засыпала ее вопросами и историями из своей жизни. Аделина слушала ее и продолжала думать о своем: «Но ведь шанс есть, Градов не запретил мне использовать имеющиеся у них данные. Я могу попробовать выявить факторы, способствующие эффективному лечению и реабилитации пациентов, надо только найти на это время...». Ее размышления прервал вопрос Елены:

– Ну а как у тебя с этим дела обстоят? Поработаешь хотя бы годик-полтора, прежде чем тоже в декрет уйдешь?

– Лена, ты знаешь, я очень серьезно отношусь к этой работе, я хочу не просто быть суперпроизводителем общественных благ, я хочу найти здесь ответы на вопросы о принципах управления жизнями, о принципах распределения прав на лекарства.

Беззаботное лицо Елены помрачнело. Она отвела Аделину в сторону, где их не могли случайно услышать проходящие мимо делопроизводители и администраторы, и зажала сенсор звука на своем персональном распределителе задач.

– Я начинаю жалеть, что пригласила тебя работать на свое место. Скажи, ты ведь не собираешься подвергать сомнению Великую Справедливость распределения благ?

– Ну а при чем здесь Великая Справедливость! Я верю в нее так же свято, как и ты, как все мы. Я не хочу начала Четвертой социальной революции, я хочу лишь предложить некоторые усовершенствования в работу Алгоритма Распределения.

– Вмешаться в работу ГАР? И ты серьезно считаешь, что это не приведет к Четвертой социальной революции? Я всегда знала, что все ученые немного сумасшедшие. Ради своей безумной идеи они готовы погубить тысячи ни в чем неповинных людей. Мы здесь и так с трудом справляемся с быстро прогрессирующими формами рака, с каждым годом их все больше и больше.

– Не удивительно, что их все больше, ведь лечение начинается на поздней стадии, когда спасти человека уже практически невозможно. Еще пятьдесят лет назад в Политику регулирования жизней включали задачи по более ранней диагностике рака и его лечению на ранних стадиях, но затем все массовые формы скрининга и ранней терапии были отменены.

– Они не были отменены! Просто их стали применять ограниченно, только для пациентов из категории высшей общественной полезности. Мы и сейчас таких граждан хорошо лечим. Ты

сама увидишь структуру закупок препаратов и все поймешь. Только, пожалуйста, не начинай свою историю о том, что все имеют право на жизнь и право на лекарство. Я помню защиту твоего дипломного проекта.

Аделина закусила губу, день защиты проекта сразу всплыл в ее памяти. Тогда ее чуть не лишили диплома из-за некоторого «вольномудства и скептицизма в отношении Великой Справедливости», а научный руководитель еще целый год отказывался принять ее ассистентом на кафедру. Из-за этого ей пришлось устраиваться на работу в общенациональную аптеку, где рабочий день длился не семь часов, как у всех рядовых производителей благ, а четырнадцать. Со временем ситуация разрешилась, но нервов было потрачено очень много.

Проходящая мимо высокая худая женщина лет сорока заметила девушек и окликнула их:

– Елена, немедленно на рабочее место! Документы от поставщиков уже идут.

Елена подошла к ней с хитрой и одновременно приторной улыбкой и сказала:

– Инна Валерьевна, Вы разве забыли? Сегодня мой последний день здесь, я передаю дела новому сотруднику. Познакомьтесь: Аделина Архангельская, мы с ней учились на одном факультете, отличный специалист и выдающийся ученый. Аделина, а это Максимова Инна Валерьевна, заведующая нашей больничной аптеки.

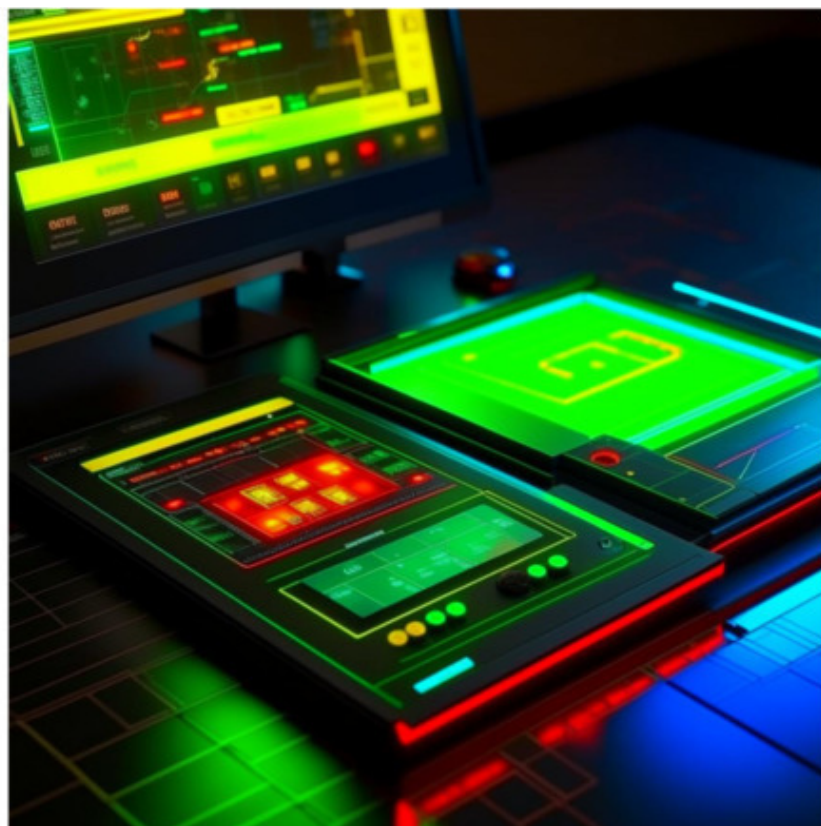
– Пока только исполняющая обязанности, – сухо поправила ее Максимова, – но это ничего не меняет. Где твой персональный распределитель задач?

Аделина молча протянула ей свой планшет, чувствуя, как скука и апатия завладевают ею. Вряд ли здесь она сможет узнать или сделать что-то ценное. Но и Ульяна Владимировна была не права: ничего непонятного или опасного в онкологии нет, работа как работа. Выполняя текущие задачи дня, создавай общественно ценные блага, своевременно отдавай честь Созвездию Героев, получай свой паек и будь счастлив. Аделина горько усмехнулась внутри себя: «Ах да, чуть не забыла их главное поручение: найди себе мужа, лучше сразу из числа супер-производителей общественных благ, и уйди в декрет при первой же возможности».

Но с этой частью общенационального поручения Аделина никак не могла справиться, работы у нее всегда было слишком много, да и характер у нее был твердый, независимый и целеустремленный. Сильные мужчины рядом с ней чувствовали себя некомфортно, а слабаки постоянно кружились вокруг нее, словно назойливые мухи, но никто из них не имел высшей категории и даже не стремился к ее получению. Зачем такой муж, если Аделина сама хорошо работает?

Долго размышлять Аделине о своей жизни не пришлось, ей вернули персональный распределитель, на сенсорном экране уже светились желтым несколько задач средней срочности. «Подготовить документы для инициации процесса закупки препарата... Поставить на учет поступившую партию препаратов от поставщика... Распределить принятые на учет препараты по заявкам отделений». Аделина быстро просмотрела все задачи и кивнула Елене: «Ничего сложного». Инна Валерьевна одобрительно улыбнулась, и все погрузились в работу.

Уже в самом конце рабочего дня, когда Аделина собиралась уходить, на ее персональном распределителе загорелась «красная» задача. «Что я могла пропустить?», – сердце Аделины начало бешено колотиться. Пропущенная задача в первый же рабочий день! Заключение трудового договора может быть приостановлено.

К ней буквально подбежала Инна Валерьевна, на ее персональном распределителе тоже горела красным просроченная задача «Индивидуальное обеспечение Клеоксимабом пациента Гурского В. М.». Это было типовое поручение на внеплановый закуп препарата для иммунотерапии особо скандальных пациентов, которые требуют для себя самого лучшего лечения. Максимова была вне себя от ярости и набросилась с обвинениями на Аделину:

– Я должна каждую задачу за тобой проверять? Мой рабочий день уже заканчивается, а из-за твоей невнимательности я вынуждена задержаться. В каких облаках ты витала целый день, если пропустила срочную задачу на индивидуальный закуп? Может, эта работа вообще тебе не подходит?

Нужно было хоть как-то попытаться найти себе оправдание. Аделина хорошо помнила, что у нее не оставалось никаких невыполненных задач, она даже сделала одну «зеленую» задачу, чтобы высвободить себе немного времени на следующий рабочий день. Откуда тогда появилась «красная»? Этот вопрос она решила произнести вслух.

– Я выполнила все «желтые» задачи и даже одну «зеленую», я проверяла планировщик пятнадцать минут назад, откуда появилась «красная» задача?

– Ты впустую тратишь время на поиск жалких оправданий для себя. Лучше потратить его на отправку срочного запроса поставщику.

– А у Вас есть коммерческие предложения на поставку Клеоксимаба?

– Это твоя работа, ты и должна с ней разобраться. Не жди, что я буду тебе помогать.

С этими словами Максимова удалилась. «Ну и стерва», – подумала про нее Аделина и начала обзвон поставщиков. Большинство офисов уже закончили свой рабочий день, поэтому Аделине пришлось звонить на личные номера менеджеров, чьи контакты у нее сохранились с работы в общенациональной аптеке. Препарат был довольно редким, его нужно было заказывать напрямую у производителя, даже авиадоставка заняла бы несколько часов, но ее стоимость... Тем не менее, это было единственно возможным решением, и Аделина решила обсудить его с Максимовой. К своему удивлению, в ее кабинете она увидела Елену, теперь Инна

Валерьевна кричала уже на нее, обвиняя в халатности. Лена же спокойно собирала свои вещи, не отвечая ничего на ее претензии. Аделина постучала, и они обе обернулись в ее сторону.

– Решение есть, мы можем заказать авиадоставку от производителя, к утру препарат для Гурского будет уже здесь.

– Я освобождаю тебя от решения этого вопроса. Эта задача была отписана на Елену, и она сама должна ее выполнить, если хочет получить свой декретный паек.

Однако Елена ей резко возразила:

– Даже не рассчитывайте на это. Мой последний рабочий день завершен, я уже провела деактивацию персонального распределителя, так что теперь моя незавершенная задача перешла к вам! Я не собираюсь больше работать ни одного дня, а вам желаю успехов!

С этими словами она подхватила коробку со своими вещами и резкими шагами направилась к двери. Проходя мимо Аделины, она прошептала: «Ничего не закупай, Златогорский признал химиотерапию для Гурского бессмысленной, этот препарат ему все равно не достанется. Так надо, держись». Максимова продолжала сыпать угрозами, поэтому Аделина молча положила черновик заявки на авиадоставку препарата ей на стол и поспешила пройти в отделение, чтобы увидеть пациента и поговорить с ним.

Василий Михайлович был активным, в меру упитанным пациентом пятидесяти лет, и как супер-производитель общественных благ в виде объектов военной промышленности, он вполне резонно требовал к себе особого отношения и самого лучшего лечения. В ответ на сообщение медсестры о подготовке к операции, он начал возмущаться:

– Девушка, да какая операция? У меня первая госпитализация, знакомый врач мне сказал, что кроме однократной капельницы в дневном стационаре мне вообще ничего не нужно. Я тоже в этом кое-что понимаю. А сейчас мне вдруг меняют тактику лечения. Не могу я уйти на долгую реабилитацию, на мне вся семья держится... И стратегическое производство! Зовите заведующего отделением, зовите вашего главного! Если они не захотят разговаривать со мной, то будут разговаривать с прокуратурой.

Он заметил Аделину и обратился к ней:

– А ты кто такая? Ты тут можешь что-то решить или просто пришла поглазеть на живого общенационального героя?

– Я пришла сказать, что у нас есть возможность доставить Ваше лекарство, но не раньше завтрашнего дня.

– Вот! Слышите! Мое лекарство доставят, никакой операции мне не надо.

Медсестра подошла к Аделине и вывела ее из палаты:

– Вы с ума сошли? Кто Вам позволил обещать пациенту доставку лекарства? Златогорский не дал согласования на проведение инфузии, состояние пациента запущенное. Этот вопрос уже давно решен, он готовится к операции. Он немного возбужден, но ему уже сделали седацию, это нужно для премедикации.

Аделина действительно не знала местных правил, не знала даже, что входит в ее компетенции, а что – в компетенции Златогорского.

– Простите, а кто такой Златогорский? Я могу с ним поговорить?

– Можете, если Владимир Геннадьевич сам Вас пригласит. Это заведующий химиотерапевтическим блоком, заместитель главного врача, профессор в университете. А Вы кто такая?

– Я новый провизор больничной аптеки, закупками препаратов занимаюсь теперь вместо Елены.

– Будем знакомы, я Маргарита, дежурная медсестра этого отделения. Свалился же этот Гурский на мою голову... О, посмотрите! Премедикация начинает действовать.

Они вошли в палату, и Аделину поразили изменения, которые произошли с Василием Михайловичем. Он лежал на кровати, практически слившись с ней, худой и бледный настолько, что его лицо казалось светящимся. Возможно, это был отраженный свет, но Аделине показало

лось, что свет исходит прямо из него. Пациент повернул лицо в сторону вошедших и слабо улыбнулся им:

– Вы пришли за мной, мои ангелы?

Что-то в его лице казалось Аделине знакомым. Она уже где-то видела этот свет, струящийся будто бы из самой глубины души через спокойные глаза. Гурский протянул руку к ней, и она слегка пожала ее.

– Обещай мне, что найдешь нужное лекарство, не только для меня, для всех нас. Если они позволят тебе.

Аделина, кусая губы, закивала головой. Маргарита положила руку ей на плечо и вывела из палаты, за пациентом уже пришли санитары с каталкой. Похоже, что операция настолько срочная, что ее будут выполнять вечером. На персональном распределителе Аделины не осталось невыполненных задач, значит, заявка на Клеоксимаб уже ушла поставщику, либо задачу просто сняли из-за операции пациента. В любом случае, она могла возвращаться домой.

В комнате было очень темно, лишь одна лампа тускло освещала лежащие на столе бумаги. Одна из бумаг особо выделялась среди остальных, она будто бы светилась даже ярче, чем настольная лампа, но буквы на ней то появлялись, то пропадали, так что Аделина никак не успевала прочитать скрытое послание. Она попыталась сделать свет лампы ярче, но он окончательно погас. Одновременно с этим свет появился в другой части комнаты, и она увидела больничную койку, на которой лежал изможденный человек, больше похожий на обтянутый кожей скелет. Несмотря на весьма ужасающий вид, пациент был еще жив, можно было даже разглядеть некоторые знакомые черты. Это был тот самый больной, которого Аделина видела в конце рабочего дня. Он протянул к Аделине длинные костлявые руки, словно в попытке удержаться за последнюю надежду на свое исцеление.

– Ты должна дать мне настоящее лекарство, оно есть у тебя, только ты никому его не даешь, потому что сама еще слишком сильно боишься.

– Какое лекарство? От чего?

– Лекарство от страха смерти, настоящую панацею. Только это может спасти нас.

Аделину сковал страх, ей сложно было говорить, как будто она сама уже начала превращаться в беспомощного, умирающего пациента.

– Не бойся, Аделина! Страх убьет тебя раньше, чем это сделает кто-то другой. Найди панацею, она рядом с тобой. Найди и дай ее тем, кого сможешь спасти.

Свет начал угасать, как и жизнь пациента. Аделина тщетно пыталась открыть какой-нибудь ящик своего стола, все они были наглухо забиты. Она чувствовала, что лекарство должно быть спрятано там, но никак не могла до него добраться. Темнота вокруг девушки сгустилась, и она беспомощно села на пол, горько заплакав. Подушка стала мокрой от слез, и Аделина проснулась. Первым делом после своего пробуждения она попробовала открыть верхний ящик своего стола. Там были только черновики ее проекта по оптимизации ГРА. Лекарства там, конечно, не было. Или ее идеи и были той самой панацеей?

На телефоне Аделины засветилось уведомление: поставщик просил ее перезвонить утром, как только она приедет на работу. Но в запасе у нее была еще пара часов сна, прежде чем зазвонит будильник.

Глава 3

Человек очень быстро адаптируется к новым обстоятельствам, особенно человек, живущий по правилам, в справедливости которых ему не приходится сомневаться. Время для такого человека идет легко и быстро, для этого и нужны распорядки, распределения и своды правил.

Аделине было комфортно находиться в привычных рамках, но от многих других супер-производителей общественных благ ее отличала неугасающая любознательность, во всем она хотела дойти до самой сути, найти скрытый смысл каждого символа. Всю дорогу в онкоцентр она размышляла о своих снах и о странных изменениях, которые происходили буквально на ее глазах с пациентом Гурским. Но времени на размышления, как всегда, не хватало. Прямо поверх всех уведомлений о текущих задачах на ее персональном распределителе задач появилось окно входящего вызова от поставщика.

– Аделина Викторовна, Клеоксимаб уже передан в службу наземной доставки, в течение получаса Вы сможете его принять. Спасибо за выбор нашего препарата, это, конечно, не панацея, но лучшее, что мы можем дать на сегодня, можно сказать, инфузия жизни как минимум на год для пациента.

«Опять это слово – панацея», – тревожно подумала Аделина, но на словах лишь вежливо поблагодарила поставщика за оперативность и поспешила к пациенту. В отделении ее вновь встретила Маргарита, ее суточное дежурство подходило к концу, и она проверяла автоматический отчет по своему посту. Увидев Аделину, медсестра поспешила закончить с отправкой отчета.

– Маргарита, доброе утро! Где Василий Михайлович? Клеоксимаб привезли.

– Хорошо, что привезли.

Маргарита выглядела беззаботной, но проигнорировала вопрос о пациенте, и сердце Аделины испуганно сжалось от нехороших предчувствий.

– Конечно, хорошо, а где пациент?

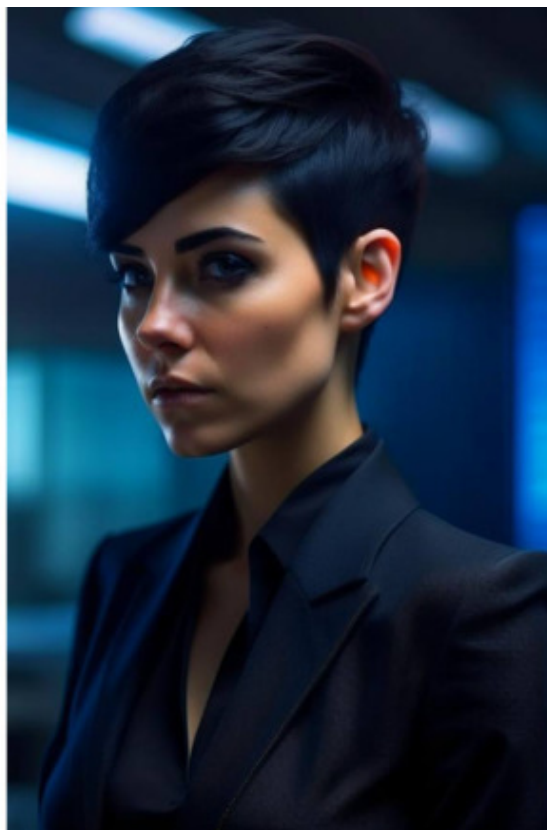
– Его состояние было нестабильным, операцию пришлось прервать, но было уже поздно. А лекарство... Хорошо, что привезли, у нас завтра плановая госпитализация ожидается, новому пациенту этот препарат тоже подойдет.

– Вы хотите сказать, что Гурский...

– А что Вас так удивляет? У него же организм уже совсем изношенным был, он буквально разваливался на глазах, Вы же сами его видели вчера – бледнее и тоньше листа бумаги.

– Да, но сперва он показался мне вполне здоровым на вид. Что ему ввели? Почему буквально за несколько часов он превратился в изможденного старика, а потом и вовсе...

– Умер? Называйте вещи своими именами. Если хотите работать здесь, то надо привыкнуть к смерти. Пациенты уходят, и чаще всего уходят быстро. Кто-то не успевает получить препарат, кто-то не успевает дожить до операции. Все пытаются найти виноватых в смерти пациентов, у меня половина отчетов идет по расследованиям. Столько работы, а еще Вы под кожу лезете: «Что случилось? Что ему ввели?». Откуда я знаю, может, ему вообще изотонический раствор ввели! Но вопросы тут не только Вы приходите задавать, вот еще один... борец за права пациентов.

В палату буквально влетела женщина лет тридцати, бледная и худощавая, в строгом черном костюме с большим количеством бумаг, торчащих из черного кожаного портфеля, и сразу же начала расстреливать Маргариту вопросами.

– Когда наступила смерть пациента Гурского? До, во время или после операции? Где протокол лечения, протокол вскрытия? Родственники настаивают на независимой экспертизе, но сперва мне нужно увидеть ваше заключение.

– Диана Рудольфовна, сколько раз я Вам говорила, что тут у меня не патологоанатомическое отделение! Я дежурная медсестра, пациента увезли на операцию в 19 часов, другой информации у меня нет. Моя смена закончилась, протоколы можете увидеть у лечащего врача пациента.

– Лечащий врач меня уже отправил решать вопрос с главным медицинским экспертом по страховым случаям Ерофеевым Артемом, но этот гадкий деловод говорит, что все данные сейчас находятся в обработке у их компании и не могут быть предоставлены мне, даже как медицинскому юристу, ранее, чем через неделю!

– Не такой уж я и гадкий, если не относиться ко мне предвзято. – На пороге появился рыжеволосый мужчина в дорогом костюме. – Вообще-то именно я помогаю пациентам получать компенсации из страхового бюджета по тем случаям, которые не предусмотрены Перечнем справедливого ограничения.

Артем выглядел старше Дианы и Аделины, хотя, вполне вероятно, был их ровесником. Он невозмутимо поправил наградной галстук цветов общенационального флага, указывающий на его особые заслуги во время третьей социальной революции. «Наверняка, был городским делегатом на съезде по разработке Общенациональных поручений в сфере охраны здоровья», – подумала Аделина.

– В самом деле? – скептически переспросила Диана. – Мне казалось, что компенсации получают только те, кто заблаговременно сделал добровольный взнос в вашу страховую компа-

нию. Получается, что они сами оплачивают свое лечение, которым, возможно, даже не успеют воспользоваться!

– На всякий случай напомню, что объем компенсации не зависит от размера пайка пациента, заключившего договор со страховой компанией, все взносы имеют фиксированный характер, а компенсации могут быть ограничены лишь Великой Справедливостью, но никак не мной. Я со своей стороны делаю все, чтобы наши пациенты и их семьи получали компенсацию в максимальном объеме. Но если случай не страховой, то тут уже ни один Распорядитель бюджета не сможет нам помочь.

Спорить с ним было трудно, ведь он в своих словах опирался только на факты, и в этом они с Дианой были очень похожи – она тоже хотела быть уверенной в том, что члены семьи умершего пациента, обратившиеся к ней за помощью, не будут ущемлены в правах.

– Артем Сергеевич! Я представляю законные интересы жены умершего пациента Гурского. Напоминаю, что она имеет право на пожизненную пенсию вдовы общенационального героя, если в ходе экспертизы будет установлено, что его смерть...

– ... возникла вследствие врачебной ошибки или несвоевременного начала терапии. Я знаю закон не хуже Вас, Диана Рудольфовна. Может, обсудим наши дела в более спокойном месте?

– Самым спокойным местом для общения с Вами может быть только зал суда, – язвительно пробормотала Диана и последовала за лукаво улыбающимся Артемом.

Все это было очень любопытно, но на персональный распределитель Аделины поступило уже несколько текущих задач дня, так что она вернулась на свое рабочее место. К счастью, со своими задачами она справлялась легко, ведь они практически не отличались от задач, выполняемых ею ранее в общенациональной аптеке. Некоторые сложности были только с распределением поступающих препаратов по отделениям: в этом наблюдалась некоторая неразбе-

риха, потому что заведующие постоянно перебрасывали препараты из отделения в отделение, пытаясь расходувать их максимально экономно.

Аделина решила, что ей не особо хочется обедать в компании Максимовой и двух молодых девушек, сборщиц заказов отделений, поэтому она спустилась в общий кафетерий на первом этаже. Выбор блюд, как и везде, был невелик, но порции были куда больше, чем в обычном городском кафе. Практически все столики были заняты. Выбирая себе свободное место, Аделина заметила Диану Рудольфовну и решительно направилась к ней, чтобы больше узнать о том, какие именно права пациентов она отстаивает и часто ли они здесь нарушаются.

– Здесь свободно? – спросила Аделина с дружелюбной улыбкой.

– Садись. Ты фармацевт в местной аптеке?

– Провизор. Меня зовут Аделина, я здесь совсем недавно, до этого работала в общенациональной аптеке и в университете на кафедре, но там мои научные идеи руководство не особо поддерживало. Надеюсь, здесь получится сделать больше для обеспечения равных прав пациентов на лекарства.

Диана пила настолько крепкий черный кофе, что он казался темнее, чем история с пациентом Гурским. Со стороны казалось, что душа ее такая же черная, и Диана всячески поддерживала у окружающих это ощущение, поэтому и Аделину она решила не щадить.

– Равные права? Ровнее, чем выравнивает Великая Справедливость? И ты всерьез думаешь, что тебя кто-то поддержит? Да они тут все сгнили насквозь от коррупции, кроме денег их ничего не интересует. Какой им профит от твоего проекта?

– Разве коррупция не была полностью уничтожена после третьей социальной революции? Повсюду внедрены системы слежения. Мне кажется, система контроля лекарств сделала почти невозможным какие-либо махинации.

– А я и не говорю, что они занимаются сбытом поддельных лекарств. Все можно сделать куда изящнее. Вот умер у тебя пациент этот, Гурский. Он был заслуженным человеком, и под его нужды можно было легко и быстро закупить «укол жизни». Но мертвому ведь это лекарство не нужно, верно? А денежки уже под его закупку выделены, препарат пришел. Ты думаешь, его отправят обратно? Ничего подобного. У них уже есть на очереди «свой» пациент, который этот препарат и получит. А Гурскому напишут – запущенный случай, быстропрогрессирующее течение, индивидуальная непереносимость... Простите, мы сделали все возможное, уничтожьте труп.

– Но ведь должна быть еще независимая экспертиза, контроль случая делегатами Созвездия Героев...

– Это, если кто-то из родственников подает иск.

– Но его жена как раз и подала жалобу, как я поняла из вашего разговора с Артемом Сергеевичем.

– Подала, да забрала обратно. Ерофеев ее хорошо обработал.

– Как же ему это удалось? Ведь на кону была ее пенсия как вдовы героя.

– А она ее получит. За добровольное согласие на изъятие органов ее мужа в момент констатации смерти его мозга. Все оформлено так, будто он сам принял решение об их пожертвовании, как только узнал о своем диагнозе. Своего рода эвтаназия, она же разрешена у нас со времен второй социальной революции. Это и обеспечит сохранение за его женой высшей категории после его смерти. Пенсия, правда, будет меньше, чем она могла бы быть в случае доказанной врачебной ошибки, но зато гарантированной. Ведь если вину врачей доказать не удастся, то ее лишат всех льгот.

Аделина слушала и не могла понять, в чем подвох. Ни одно правило Политики регулирования жизней не было нарушено, но во всей этой махинации явно прослеживалось что-то ужасное, что-то невозможное, что-то такое..., что обесценивало Великую Справедливость и подрывало веру в случайность работы Алгоритма Распределения Лекарств. Что, если Гур-

ский мог поправиться после инфузии Клеоксимаба? Что, если он вообще не был болен? Или же его случай был действительно запущенным, и врачи каким-то образом изначально знали, что препарат ему не поможет, поэтому пошли на более гуманные меры?

– Ищешь оправдания для наших распорядителей? Это еще что, этот случай достаточно прост и прозрачен, можно даже сказать, банален. Небольшие манипуляции с перераспределением препаратов от умирающих пациентов или забором у них жизнеспособных органов вполне легальны. Настоящие проблемы – куда страшнее. Все знают о черном рынке оружия, наркотиков и поддельных лекарств, это преследуется законом. А слышала ли ты о «сером» рынке?

– Ты о перепродаже препаратов, закупленных на общенациональные деньги?

– О, выходит, ты это знаешь, но делаешь вид, что тебя это не касается. Это же происходит через больничные аптеки, несмотря на все ваши «системы слежения». Не для этого ли ты пришла сюда работать?

Смешанные чувства стыда, злости и страха охватили встревоженную Аделину, и она с трудом продолжила этот неприятный разговор.

– Я вышла на декретное место только вчера, и за эти два дня уже столько всего странного увидела и услышала. Трудно понять, где правда, где ложь, где реальность, а где кошмарный сон. Я уже начинаю сомневаться в том, что смогу выполнять свои текущие задачи, хоть они и кажутся мне довольно простыми. А уж про свои научные идеи, мне, пожалуй, стоит вообще забыть.

Диана допила свой кофе и встала, демонстрируя показное равнодушие и отсутствие даже тени эмпатии. Ее интересовали только реальные дела, а не пустые рассуждения.

– Послушай моего совета. Если у тебя есть какие-то реальные идеи, как сделать лучше эту систему – попробуй. Но если твой страх сильнее любопытства, то лучше беги отсюда, пока не вляпалась по глупости и наивности в серьёзные неприятности. Отвлекись от своих текущих задач хоть ненадолго, и ты сразу увидишь настоящие проблемы. А пока даже говорить с тобой не о чем. Захочешь продолжить борьбу за право пациентов на лекарство – звони, вот моя визитка.

Глядя вслед строгой фигуре Дианы, Аделина пыталась осмыслить услышанное. Взвесив свои реальные возможности, она посчитала неизбежным свое увольнение. Возможно, документы для трудоустройства еще не успели окончательно оформить, и она перепрограммирует персональный распределитель задач обратно на работу в общенациональной аптеке. «Хотя нет, только не обратно в аптеку, она же может закрыться в ближайшее время», – эту идею пришлось отбросить сразу. Оставался лишь один вариант – продолжить свои наивные «палеонтологические» исследования на кафедре в университете.

Вернувшись на свое рабочее место, Аделина уже было написала отказ от вхождения в должность провизора больничной аптеки, но тяжелые раздумья о том, хватит ли объема работы на кафедре на норму выработки часов супер-производителя высшей категории, заставили ее отложить принятие решения. И все же она чувствовала себя невероятно несчастной, ужасно жалкой перед лицом коварной системы. «А вдруг все это лишь домыслы людей с негативным мышлением? И на самом деле, эти примеры – просто неудачные случаи, вполне объяснимые логически...», – эта мысль показалась Аделине спасительной соломинкой, за которую можно было ухватиться для сохранения за собой высшей категории общественной полезности.

Она убрала свой отказной лист подальше и продолжила работу. Дел было много, нужно было еще принять большую партию вновь поступивших противоопухолевых препаратов. Хотя Диана и советовала на время перестать думать о текущих задачах, Аделине очень не хотелось получить очередное замечание от Максимовой. К тому же в конце дня Инна Валерьевна как-то странно начала поглядывать в сторону Аделины.

– Простите, у Вас ко мне есть какой-то вопрос?

– У меня-то? У меня никаких вопросов к тебе нет, все понятно. Но я не удивлюсь, если они возникнут у кого-то другого.

В этот момент на планшете Аделины высветилась срочная задача: «Явиться в кабинет Златогорского В. Г.». На мгновение ей даже подумалось, что ему кто-то рассказал о ее научных идеях. Но скептическая ухмылка Максимовой заставила Аделину в этом усомниться.

Кабинет Златогорского напоминал кабинет главного врача, только был чуть поменьше и поскромнее обставлен. На его столе тоже было много бумаг и несколько электронных табло, как у Градова. Сам Владимир Геннадьевич сидел за столом и разговаривал с кем-то по телефону, когда Аделина робко постучала в его дверь. Ответа не последовало, но она осторожно заглянула внутрь. Златогорский улыбнулся ей, как старой знакомой, и жестом пригласил ее сесть. Пока он продолжал обсуждать плановые госпитализации и поставки препаратов, у Аделины было время осмотреться. На стенах висело множество красивых дипломов и благодарностей от общественных организаций и профессиональных сообществ, свидетельствовавших о его стремлении к постоянному совершенствованию. На столе выстроилась целая коллекция изящных оловянных фигурок солдат и медицинских работников в военной форме. «Интересно, он выглядит явно моложе, чем должен выглядеть ветеран войны. Наверное, он просто патриот Созвездия Героев», – подумала Аделина.

Владимир Геннадьевич производил очень приятное впечатление на всех своих посетителей. Он был высоким, хорошо сложенным мужчиной сорока пяти лет, но главным его украшением были невероятно глубокие глаза почти изумрудного цвета, которые хорошо гармонировали с каштановыми кудрями. «Ни за что бы не подумала, что передо мной врач-онколог, если бы увидела его на улице, слишком он хорош собой. Будто бы его никогда не касались страдания тяжелых, умирающих пациентов», – Аделина немного поежилась от этой мысли, полагая, что он должен быть очень циничным и самовлюбленным человеком.

На столе, прямо перед ним лежал ее отказной лист, и она окончательно пала духом. Ей стало понятным странное поведение Максимовой. Вероятно, та попросту нашла это злополучное заявление на столе Аделины, когда она принимала товар на складе, и поспешила передать его Златогорскому. «Чем я ей так не понравилась? Я не успела даже начать полноценно работать, как от меня уже пытаются избавиться. Что я делаю не так?» – напряженно думала Аделина.

Владимир Геннадьевич тем временем мог видеть все эмоции Аделины на ее лице, и его забавляла некоторая растерянность молодой сотрудницы. Когда он заметил, что она вот-вот заплачет, то наконец закончил разговор и с легкой улыбкой обратился к ней:

– Простите, что заставил Вас ждать, срочный звонок.

– Я понимаю.

– Наверное, вы также понимаете и то, зачем я Вас пригласил к себе.

Аделина хотела было начать оправдываться за свое заявление, но Владимир Геннадьевич ее остановил.

– Думаете, что я решил принять Ваше заявление? Вывод напрашивается сам собой, но зачем бы я тогда стал Вас приглашать? Я бы порекомендовал вашему непосредственному руководителю отнести его в отдел кадрового делопроизводства, а не оставил бы его у себя. Так зачем я Вас пригласил?

Аделина чувствовала себя глупой и беспомощной. Вопрос поставил ее в тупик.

– Видимо, ввиду своего юного возраста Вы знаете женскую психологию хуже, чем я. Если начальница пытается подставить молодого сотрудника в первые же дни его работы, значит, она видит в нем большой потенциал. Я внимательно изучил вашу трудовую и научную биографию и решил, что нам с Вами есть что обсудить.

– Это... это было бы очень здорово, я рада возможности обсудить с Вами некоторые идеи. Я пыталась поговорить об этом со Львом Романовичем, но он не обратил никакого внимания на мои предложения.

– Это не входит в сферу его интересов, но зато Ваша тема близка к моим научным исследованиям. Я подумал, что Вы не откажетесь сохранить за собой должность провизора больничной аптеки, но фактически перейти под мое непосредственное руководство с новым для Вас функционалом эксперта-аналитика фармацевтической службы нашего онкоцентра. До недавних пор этим занимался другой сотрудник, но его должность была сокращена, а задачи повисли в воздухе. Так что я рассчитываю теперь на Вас. Не подведете?

Аделине и в голову прийти не могло, что ей предложат такую интересную работу, но она опасалась какого-то подвоха. Все выглядело слишком хорошо: и предложение Златогорского, и он сам. Но почему предыдущий сотрудник был не просто уволен, а даже сокращен? Это не внушало девушке оптимизма. Однако она отдавала себе отчет в том, что больше таких предложений она ни от кого здесь не получит, поэтому она сдержанно ответила согласием:

– Владимир Геннадьевич, спасибо, я приму Ваше предложение. Надеюсь, что, выполняя эти задачи, я смогу быть полезной для нашей лучшей в мире страны.

В глазах Златогорского загорелись лукавые огоньки.

– В первую очередь, это будет полезно для Вас самой. Таких данных, как здесь, Вы больше нигде не найдете. Здесь Вы и докторскую диссертацию легко напишете. Мы максимально открыты для Вас и Ваших научных идей. Да что я за всех говорю... Лично я готов Вам содействовать, предоставлять необходимую методическую помощь.

«Одно предложение лучше другого, – иронично подумала Аделина. – Осталось только, чтобы он мне предложил отдельный кабинет с видом на парк и вечный талон на обеды в ресторане для руководителей». Златогорский заметил легкую усмешку Аделины и добавил:

– Да, чуть не забыл! Вы, наверное, опасаетесь возможных проблем с Максимовой.

Об этом Аделина не подумала. Она живо представила себе лицо Инны Валерьевны, когда она услышит о новом функционале Аделины. Пока Владимир Геннадьевич что-то напряженно изучал на одном из своих планшетов, она успела прокрутить в голове несколько ехидных диалогов с Максимовой. Златогорский взглянул на нее и решительно заявил:

– Знаете что, Аделина... Аделина Викторовна. Чтобы у Ваших коллег из аптеки не возникло лишних вопросов по поводу Вашей деятельности, лучше было бы Вам переехать в отдельный кабинет. У нас есть несколько пустых кабинетов в старом крыле этого здания, спросите у охраны, пусть Вам выдадут ключ. Скажете им, что я распорядился. Больше Вас ничего не беспокоит?

Аделину многое беспокоило. В ее голове сразу закружился целый рой неприятных вопросов: Что произошло с Гурским? Кому достанется Клеоксимаб? Почему Максимова такая злая? Почему Златогорский такой добрый?.. Но она предпочла не раскрывать все свои переживания перед новым руководителем и поэтому лишь отрицательно покачала головой. Пусть лучше думает, что ее ничего не беспокоит.

– Я готова приступить к работе. Какие у меня будут текущие задачи на оставшееся время дня?

– Про текущие задачи дня можете забыть. Теперь у Вас будут экспертно-аналитические проекты с критическими сроками выполнения. Сроки мы будем с Вами согласовывать. Все остальное пойдет под рубрикой «исполнение отдельных поручений руководителя». На сегодня поручение одно: обустройтесь в своем кабинете. К концу недели направьте мне свое видение решения проблем с доступностью лекарственных препаратов для наших пациентов в письменном виде. Вы ведь этой темой хотели заниматься здесь?

Аделина кивнула. «Хорошо, что у меня уже набросан проект оптимизации, правда, его надо немного адаптировать для больничной аптеки. Наверняка, придется даже направить несколько запросов в общенациональную научную библиотеку», – у Аделины уже начали вырисовываться в голове некоторые идеи.

– Вижу, что глаза у Вас уже заблестели, – улыбнулся Златогорский. – Не буду задерживать. Помните, что панацеи не существует, но это не значит, что мы должны опускать руки. Успехов в работе!

Владимир Геннадьевич крепко пожал ей руку, и Аделина поспешила на пост охраны за ключом от своего первого личного кабинета, чтобы перенести туда свои вещи. Правда, располагался он не в самом лучшем месте административного корпуса, подниматься до него нужно было по запасной лестнице, аккуратно перешагивая через мешки со строительным мусором. Но это был отдельный кабинет, в котором никто не будет мешать Аделине вникать в аналитические данные, никто не будет рыться в бумагах на ее столе...

В этом кабинете даже было небольшое окно! Хоть оттуда и открывался вид не на парк, а на кладбище, над которым мерцала голограмма Созвездия Героев, но Аделина все равно была очень рада. «Наконец-то меня ждет живая, практическая работа! – удовлетворенно подумала она. – И теперь я смогу приносить реальную пользу пациентам. Не могу поверить, что мне больше не нужно будет целыми днями заниматься бессмысленными околонучными рассуждениями обо всем и ни о чем со старыми кафедральными работниками».

Было непривычно не видеть на своем планировщике множество мелких задач, да и вся ситуация в целом была необычной. День был сумасшедшим, и к вечеру, когда Аделина добралась домой, она чувствовала себя ужасно усталой, но все же весьма довольной благоприятным поворотом событий. «Все к лучшему», – прошептала она, засыпая.

Аделина шла сквозь сказочный, тропический лес, пробивая себе дорогу среди свисающих с высоких деревьев ядовитых лиан с огромными яркими цветами. Было нестерпимо

душно, и она стремилась добраться до небольшой быстрой реки, берущей свое начало на холодных горных вершинах. Приглушенный шум воды слышался все отчетливее, но вдруг очередная лиана, которую Аделина попыталась аккуратно отодвинуть от своего лица, начала извиваться. Девушка в ужасе отпрыгнула назад. Перед ней была огромная змея, которая смотрела прямо на нее своими изумрудными глазами.

Змея обвивала дерево, сверкая на солнце золотой чешуей. Мгновение спустя она скользнула вниз, и из-за дерева вышел красивый золотоволосый мужчина с такими же зелеными глазами, как у змеи. Вокруг дерева лежало множество черепов.

Незнакомец с легкой улыбкой поднял несколько из них и начал подбрасывать, жонглируя черепами так же легко и беззаботно, как если бы это были разноцветные мячики или тропические фрукты. Увидев замешательство девушки, он рассмеялся и бросил ей один из черепов. Аделина остолбенела и не смогла поймать подброшенный череп. Он разбился прямо у нее под ногами с оглушительным грохотом, как если бы ей бросили под ноги гранату. Аделина упала и, когда спустя мгновение с трудом приподнялась, то увидела, как из осколков разбившегося черепа выползает змея с человеческим лицом. Аделина сразу узнала это лицо. Оно принадлежало тому самому пациенту, который не успел получить «укол жизни». «Это Гурский», – еле слышно прошептала она. А тот, словно бы в ответ, прошипел у самого уха Аделины странную загадку:

*В четырех глухих стенах
на восьми святых углах
скрыты знаки и места,
что исчезнут без следа.
Первый ключ откроет дверь,
за которой будет смерть.
Ключ второй откроет правду,
третий – враг найдет коварный.
Отыщи четвертый ключ,
Словно солнце среди туч.*

С последними словами странное существо утратило человеческий облик и вновь превратилось в змею с изумрудными глазами, которая, извиваясь кольцами и сверкая своей золотой чешуей, уползла обратно на дерево, разбив по пути своим мощным хвостом несколько черепов.

Когда Аделина проснулась, в ее голове все еще звучала эта странная загадка-послание из сна, и она быстро записала ее карандашом на первой попавшей под руку карточке. «Подумаю об этом утром, а сейчас надо спать...», – твердо решила она, ведь Аделина всегда была очень дисциплинированным человеком.

Глава 4

Кто бы мог подумать, что такая маленькая вещь, как тонкая пластмассовая карточка, может приносить столько радости. Аделина сжимала в руке электронный ключ от своего кабинета, направляясь в аптеку. Она была полна энтузиазма и новых планов, хотя где-то в глубине души у нее оставались некоторые опасения относительно всей этой затеи Златогорского. Да и Максимова вовсе не желала разделить с молодой сотрудницей ее оживление, к тому же кто-то должен был выполнять текущие задачи дня вместо Елены: выйдя в декрет, она перестала отвечать на какие-либо сообщения или звонки с работы. В благородном порыве Аделина предложила свою помощь.

– Инна Валерьевна, я понимаю, что поиск нового сотрудника займет некоторое время, и, раз уж это все произошло из-за меня, я готова взять на себя ответственность и помочь Вам с работой.

Максимовой благородство было чуждо, поэтому поступок Аделины показался ей лишь проявлением слабости духа. А это означало, что на сотрудника можно было еще немного надавить.

– Никаких сложностей с подбором достойной замены тебе не будет, с этими задачами справится любая дурочка, твой красный диплом и ученая степень не добавляет тебе никакой ценности. Но раз уж все произошло по твоей милости, то изволь выполнять не только свои текущие задачи, но и часть моих. Потому что мне придется потратить какое-то время на общение с кандидатами на эту должность.

«Можно подумать, что у ее кабинета стоит целая очередь из соискателей вакансии», – усмехнулась про себя Аделина. – Зря я вообще предложила ей свою помощь, Златогорский был прав, мне стоило держаться от нее подальше». Но ей не хотелось возражать Максимовой, поэтому она согласилась.

– Да, и еще, – Инна Валерьевна на мгновение задумалась. – Подумай хорошенько, действительно ли ты хочешь взять на себя функционал эксперта-аналитика всей фармацевтической службы. Возможно, ты и справишься, но...

Что-то явно тяготило ее. С одной стороны, Максимовой вовсе не хотелось видеть Аделину в своей аптеке каждый день, ведь девушка ее, откровенно говоря, раздражала, причем буквально всем: огоньками любопытства в ее умных желто-зеленых глазах, непослушными русыми волосами, которые завивались на концах забавными колечками, даже ее скромной, но гармоничной одеждой, которая подчеркивала хорошую фигуру. Об уровне образования и квалификации можно уже и не упоминать. С другой стороны, необычное внимание Златогорского к способностям Аделины и такой неожиданно быстрый карьерный рост молодой сотрудницы тоже были неприятными для нее моментами. Инна Валерьевна тяжело вздохнула, поняв, что любой вариант развития событий будет вызывать у нее массу негативных эмоций. Она попробовала взглянуть на девушку с сочувствием, ведь при видимой легкости, с которой та выполняла все задачи, ее жизнь не была простой, у нее даже не было своей семьи. Мысль о собственных детях-близнецах, которых Максимовой пришлось оставить в общенациональных яслях практически сразу после их рождения, а затем и детском садике-интернате, больно задела ее сердце. Оно в действительности не было каменным.

– Знаешь, Аделина... Предложение Владимира Геннадьевича, конечно, было для тебя очень лестным. Я, может, и хотела бы за тебя порадоваться, но эта работа не из легких. Я не хочу сказать, что она слишком сложная, просто в ней есть некоторые... эмм... особенности. Не буду вдаваться в подробности, скажу только, что она полна стрессов и самых неожиданных поворотов событий. Я близко знала предыдущего эксперта Куденко. Сперва Евгений Валенти-

нович был заведующим нашей аптеки, а я – его помощницей. После его перевода под начало Златогорского он буквально сгорел меньше, чем за год работы.

Очередная непонятная история заставила Аделину нахмуриться. Она предположила, что Максимова просто пытается ее демотивировать, поэтому ей захотелось получить информацию от первоисточника.

– А что с ним сейчас? С Евгением Валентиновичем можно как-то переговорить?

– Все контакты с ним оборвались после того, как эта должность была сокращена. Никто не был к этому готов: ни мы, ни он сам. Но даже если бы у меня с ним сохранился какой-то контакт, не думаю, что он захотел бы тратить время на болтовню с тобой.

Поскольку Максимова продемонстрировала избыточное сопереживание проблемам других людей, она поспешила вернуться в свою привычную роль стержневой начальницы. С тех пор, как ее муж был объявлен пропавшим без вести, а затем и вовсе дезертиром, ей приходилось быть сильной и строгой к себе и своим подчиненным.

После разговора с Инной Валерьевной Аделина погрузилась в водоворот дел и тревожных раздумий о том, стоит ли ей брать на себя функции главного эксперта-аналитика фармацевтической службы. Несмотря на предупреждения Максимовой и свои собственные опасения, эта работа казалась ей более интересной и перспективной. Да и упоминание Златогорским возможности написания докторской диссертации крепко засело у нее в голове. «Если я хочу развиваться дальше как настоящий ученый, а не как обычный деловод, то я должна принять его предложение. Вряд ли я когда-то еще смогу получить такую возможность. Сейчас или никогда!»

Сомнения часто одолевали Аделину, но она легко могла взять их под контроль. Она решила ознакомиться со структурой базы данных о пациентах и их лечении в онкоцентре, вспомнив слова Градова об их открытости.

Данных действительно было много. Перед любым сотрудником аптеки открывалась вся история закупок противоопухолевых препаратов и сопутствующей терапии. Через сводные отчеты об использованной химиотерапии можно было выйти на каждого пациента, который получал эти препараты, увидеть назначенную дозировку и частоту приема. Некоторые пациенты получали свои «уколы жизни» редко, не чаще одного раза в год, а кто-то и вовсе – лишь один раз за всю свою жизнь. Другие пациенты получали терапию короткими или длительными курсами в круглосуточных стационарах.

Странно, что некоторые пациенты приезжали в дневной стационар лишь для получения одной таблетки в день. И так они могли приезжать не один месяц, а несколько подряд, оставаясь привязанными к медицинскому центру. Поэтому многие из них заселялись в кампус для пациентов, проходящих реабилитацию после операций. Из-за этого в базе данных пациентов, состоящих на учете, была некоторая путаница, и Аделине было сложно определить, кому из пациентов была назначена операция. «Наверное, у них отдельные базы данных, с рабочего места в аптеке это не видно», – решила Аделина.

Но тут ее внимание привлек один пациент. Она развернула электронную историю болезни пациента и несколько раз перечитала его имя: Куденко Евгений Валентинович. Куденко... Эту фамилию сегодня она уже где-то слышала. Карточка пациента была заведена относительно недавно, у него было диагностировано острое, быстро прогрессирующее состояние. Это несколько озадачило Аделину, ведь в истории болезни пациента также была информация о его предыдущих профилактических визитах, и на них у него все было чисто, да и возраст у него был не такой большой, всего лишь тридцать семь лет.

Такое большое число профилактических визитов могло быть только у сотрудника медицинской организации. Глаза Аделины расширились от ужаса осознания: ведь это и есть тот самый эксперт Куденко, чей функционал предлагал ей взять на себя Златогорский! Сейчас он

был на плановой госпитализации, поэтому она поспешила в терапевтический корпус, чтобы навестить его.

К ее удивлению, она увидела в палате едва живого, абсолютно лысого старика практически без зубов, с темными кругами под глазами. Он с трудом приоткрыл воспаленные веки, чтобы взглянуть на посетителя. К Аделине подошла полноватая медсестра и поинтересовалась, кого она здесь ищет.

– Я ищу Куденко Евгения Валентиновича. Насколько мне известно, он был сотрудником фармацевтической службы нашего онкоцентра. Но он был... как будто немного моложе. Ему должно быть тридцать семь, но я не знакома с ним лично.

Медсестра равнодушно пожала плечами и направилась к выходу из палаты, бормоча себе под нос:

– Может, был, может, не был. Кто его знает. Это и есть пациент Куденко, другого у нас нет. Вряд ли он тот, кого Вы ищете, скорее всего, просто однофамилец. Может, в базе данных была ошибка, иногда карточка может прикрепиться к другому пациенту, поэтому с возрастом и ошиблись.

Аделина с сочувствием посмотрела на пациента, который был будто бы в полусне, а, может, и вообще проживал в это время счастливую и здоровую жизнь в каком-то другом мире. Она прошептала: «Выздоровливайте», и хотела было уйти, как вдруг пациент схватил ее за руку. Сердце Аделины бешено колотилось, в глазах пациента мелькнул огонек жизни, и он тихо, но довольно разборчиво проговорил:

– Документы... Они в ящике, в моем шкафу, в старом крыле... Там рядом... несколько кабинетов... Найди первую дверь... Первую!

В дверях появилась медсестра, в ее руках был наполненный шприц. Пациент закашлял кровью, украдкой снял с жилистой шеи амулет в виде перевернутого креста и вложил его в руку Аделины. Медсестра была уже рядом с койкой пациента, и она силой вытолкнула Аделину

из палаты, несмотря на ее сопротивление и требования объяснить, что за инъекцию принесли для пациента. Оказавшись за дверью, она смирилась с тем, что у нее нет никаких прав на вмешательство в ход лечения пациента.

Разжав руку, она увидела, что амулет запачкан кровью, и услышала крик больного из закрытой палаты. Волна страха тошнотой подступила к горлу Аделины, и она побежала прочь из этого отделения, прочь от всех этих жутких историй и омерзительных болезней, превращающих супер-производителей общественных благ в живых мертвецов.

Она хотела поскорее вернуться в приятную и спокойную рутину текущих задач, но ей никак не удавалось забыть этот крик пациента, который все еще раздавался в ее голове. Выход был только один – найти тот самый кабинет Куденко в старой части здания и положить конец всем этим загадкам. «Если все окажется действительно так, как я предполагаю..., то я вернусь в университет и брошу эту проклятую аптеку, этот проклятый онкоцентр. В конце концов не только здесь можно получить статус супер-производителя общественных благ», – решила для себя Аделина и начала понемногу успокаиваться.

Путь в старое крыло административного корпуса был уже известен девушке, ведь именно там располагалось несколько пустых кабинетов, один из которых и предложил ей занять Златогорский. А вот дадут ли ей ключ от кабинета Куденко, этого Аделина не знала, но надеялась каким-то образом выпросить его у охраны.

В тот вечер на посту был самый старый охранник, который, согласно слухам, был опытным психологом, если не сказать ясновидящим. Он буквально предчувствовал неприятности, что помогало ему оказываться всегда в нужное время в нужном месте. И в этот раз он будто бы уже ждал, что кто-то придет.

– Стой, кто идет?

– Доброго Вам вечера, это я, провизор Архангельская. Мне вчера выдали по распоряжению Златогорского ключ от одного кабинета, а сегодня выяснилось, что мне нужно забрать некоторые бумаги из другого кабинета рядом с ним.

Аделина пыталась выдумать что-то убедительное на ходу, но она слишком волновалась, и это могло быть заметно и менее проницательному человеку.

– А принадлежат ли тебе те бумаги по праву?

Вопрос казался скорее риторическим или даже философским, и девушка задумалась, пытаясь понять, к чему клонит старый охранник. Он смотрел на нее, но как бы немного насквозь, и улыбался чему-то своему.

– Простите, мне срочно нужно попасть в тот кабинет, и я очень надеюсь, что Вы мне в этом поможете, иначе наше руководство будет недоволено.

На персональном распределителе Аделины предательски загорелась зеленым надпись «Все текущие задачи дня выполнены, отдельных поручений руководителя нет». Но охранник не обратил внимания на нее, он продолжал смотреть сквозь девушку и молча улыбаться. «Хранитель ключей проклятый, почему он не может мне попросту отдать ключ?», – раздраженно подумала она.

– Я спросил, принадлежат ли те бумаги тебе по праву. Ведь если это так, то ключ у тебя уже есть.

С этими словами он слегка прикоснулся к карману Аделины, где находился амулет Куденко. Он действительно был немного похож на ключ старого образца, такими раньше открывали некоторые шкафы и двери. Но ведь везде стояли электронные замки, поэтому о возможности использования обычного железного ключа она даже не подумала. Вся эта затея с ключами стала казаться Аделине бессмысленной, поэтому она вздохнула и направилась к лестнице со словами:

– Простите, я вспомнила, что могу найти те документы в электронном виде, я пройду в свой кабинет и не буду Вас больше беспокоить.

Охранник с той же улыбкой посмотрел девушке вслед и сказал:

– Ты найдешь то, что ищешь, потому что уже имеешь все необходимое внутри себя. Ты сможешь открыть любую дверь, которая будет тебе нужна, если пришло время. Ты сможешь видеть даже в полной темноте, если сможешь зажечь огонь внутри себя.

«Терпеть не могу всех этих мистиков и экстрасенсов, они больше запутывают и пугают, чем помогают что-то понять», – поморщилась Аделина, но вслух ничего не сказала и поспешила наверх. Строительного мусора за день стало еще больше, а в непрерывном ряду ступеней лестничных маршей кое-где виднелись довольно значительные пробоины, и девушке приходилось быть предельно внимательной и осторожной, чтобы не оступиться и не упасть.

Добравшись до нужного этажа, Аделина увидела, что площадка соединяет лестницу только с ее кабинетом, дверь в который выглядела неестественно чистой и белой на фоне недавно оштукатуренных серых стен и грязного пола. А следующие несколько дверей были отделены от этой площадки разрывом в полу внушительного размера. «Как тут вообще весь этаж еще не рухнул, – с ужасом подумала Аделина, пытаясь найти какую-нибудь длинную и крепкую доску, чтобы проложить себе дорогу. – Надо заранее придумать объяснение, если я сорвусь отсюда и упаду вниз, сломав себе обе ноги». Самоирония всегда выручала девушку в критических ситуациях.

С трудом перебравшись к дальним кабинетам, Аделина с удивлением обнаружила, что электронные замки с них сняты, и любой может туда войти, если, конечно, не сломает себе шею при падении. Она вошла в первую дверь, помня наставления Куденко. Света в кабинете не было, но на пыльном столе лежали спички. Нашлась и небольшая свеча в металлическом подсвечнике. В ее тусклом свете Аделина осматрела весь кабинет, но никаких бумаг она в нем не нашла. Правда один шкаф был заперт. Это был очень старый невысокий секретер из массива темного дерева с металлической оплеткой. Возможно, он даже имел статус антикварного и был очень ценным для тех, кто все еще интересовался чужим старым барахлом в век высоких технологий. Аделина вспомнила про амулет Куденко и слова охранника. Он действительно был очень похож на ключ. И этот ключ подошел к шкафу!

Увидев кипу пожелтевших бумаг, девушка вновь почувствовала учащенное сердцебиение. Она медленно опустилась на стул и положила перед собой пачку исписанных листов на письменный стол. «Значит, все это правда... Это действительно был тот самый эксперт Куденко, чей функционал мне решил передать Златогорский. Но как он понял, что мне можно доверить эти бумаги? Да и что в них такое? Какие-то столбики цифр и букв, криптограмма какая-то... Никогда не любила квесты и детективы с привкусом мистики, – Аделина поежилась, вспомнив двух последних пациентов, Гурского и Куденко, как они были измождены болезнью, как странно с ними обращался медицинский персонал. – Почему им не могли помочь? Почему они так сильно изменились? Почему вообще вокруг столько всего странного и необъяснимого?»

Ей хотелось немедленно сжечь все эти непонятные бумаги и убежать из этого проклятого места навсегда, но перед глазами все расплывалось в мерцании свечи. От нее исходил слабый сладковатый аромат. Из-за этого аромата, вероятно, мысли Аделины начали путаться, и грань между реальностью и сном начала стираться.

Небольшое окно, расположенное прямо напротив стола, плохо закрывалось, и из него подул неприятный ветер. Аделина вздрогнула и осмотрелась: дверь не была заперта, хотя она помнила, как плотно прикрыла ее за собой. Из-за сквозняка пламя свечи дрогнуло, едва не погаснув. Длинные тени, причудливо переплетаясь, побежали по стене. Они образовали странный узор, похожий на ветки осенних деревьев с редкими листьями. Аделина, как замороженная, смотрела на эту игру теней. Среди изящных паттернов переплетающихся веток

на стене начала явно вырисовываться грузная фигура человека. Он стоял сзади, не удаляясь и не приближаясь, но его тень становилась то ярче, то бледнее и порой практически полностью пропадала среди тенистых ветвей. «Будто бы я сижу в пещере и смотрю на шоу театра теней...», – подумала Аделина. Она старалась сохранять самообладание, хотя мелькающая среди узоров на стенах тень незнакомца ее немного пугала. Девушка аккуратно, стараясь не привлекать к себе внимание ни непрошенных гостей, ни потусторонних сил, вытащила из дверцы шкафа ключ, напоминающий амулет, и осмотрела стол в поисках тяжелых или острых предметов.

Внезапно бумаги, лежащие перед ней на столе, полетели вверх по направлению к окну, которое уже оказалось открытым нараспашку. Аделина услышала грохот позади себя и резко обернулась: кто-то бежал по коридору, и остатки лестничной площадки под ним рушились. Она подскочила к двери и попыталась ее закрыть, но внутренний замок проворачивался по кругу без всякой возможности закрепиться в каком-то положении. Кто-то стоял прямо за дверью и явно не собирался ждать приглашения войти. Аделина попробовала подпереть дверь стулом, пытаясь выиграть хотя бы несколько мгновений на то, чтобы спрятаться. Но где? Единственным доступным вариантом был высокий шкаф в самом углу кабинета. Она схватила оставшиеся бумаги со стола и едва успела закрыть за собой дверцу шкафа, как кто-то вломился в кабинет. От резкого удара и дверь, и стул разлетелись в щепки. «Что же будет со мной, если он так легко ломает даже мебель?» – ужаснулась она.

Мысли Аделины путались, она надеялась, что все происходящее – лишь кошмарный сон, но он был слишком реалистичным. Незнакомец притих, вероятно, он осматривал кабинет в поисках того, кто запер перед ним дверь. Он знал, что с ним играют в прятки, и не спешил. В небольшую щель между дверцами шкафа Аделина могла видеть его громадную фигуру в грязном рваном плаще с бурыми пятнами. «Надеюсь, эти пятна от соуса из хот-догов, а не от крови его жертв, – девушка пыталась иронизировать, но у нее это плохо получалось. –

Мне нужно выбраться отсюда, любой ценой, но как?» Лестничная площадка была разрушена, да и выбраться из шкафа так, чтобы этот маньяк ее не заметил, было практически невозможно. Аделина навалилась на внутреннюю стенку шкафа и почувствовала, что она подвижна. В ней была небольшая дверь, запирающаяся на ключ. И вновь амулет Куденко ее выручил!

Дверь приоткрылась, но увидеть что-либо за ней было невозможно. Других вариантов не было, поэтому Аделина сделала шаг в темноту и оказалась в крошечном потайном помещении. Она нащупала перед собой несколько небольших ящиков, в которых, судя по всему, были какие-то документы, но открыть их без вспомогательных инструментов было невозможно. В этом помещении была еще одна небольшая дверь, через которую девушка рассчитывала попасть на запасную лестницу. Но чтобы через нее пролезть, надо было очень постараться. Дверь открывалась в узкий коридор, который был больше похож на вентиляционную шахту, настолько в нем было тесно. За спиной Аделины раздался грохот разламываемого шкафа, маньяк шел за своей жертвой, и времени на размышления у нее не оставалось, поэтому она полезла вперед. Коридор то расширялся, то сужался, проталкивая девушку вперед, и в конечном итоге она оказалась у выхода, за которым ничего не было. Не имея возможности осмотреться, она прыгнула вниз и приземлилась у самого края лестницы, которая будто бы висела в воздухе, соединяя старый кабинет Куденко с миром небытия. Она снова оказалась на том же самом месте, откуда начинала свой путь, и, не придумав ничего лучше, она открыла дверь, ведущую в его кабинет. «Первый ключ откроет дверь, за которой будет смерть...», – вспомнила она странную загадку из своего сна. Бумаги были разбросаны по всему кабинету, часть их была изодрана. На столе лежал большой ржавый нож. Аделина взяла его и задумчиво осмотрела в свете догорающей свечи. Неожиданно за ее спиной вновь очутился маньяк, и Аделина, сильно испугавшись, с размаху воткнула в него нож. Он грузно упал на живот, вогнав нож глубоко внутрь тела. Девушку трясло крупной дрожью. С трудом переведя дыхание, она наклонилась к телу. Что-то на его затылке показалось ей странным. Она отодвинула в стороны клочковатые седые волосы и увидела второе лицо. Это было лицо женщины, и оно засмеялось, демонстрируя четыре ряда зубов...

В ужасе Аделина проснулась. Она все еще сидела за столом в старом кабинете Куденко. Страшный сон был позади, и она с облегчением вздохнула. Но тут кто-то положил ей руку на плечо. От страха она уронила свечу, и все погрузилось в темноту.

Глава 5

Пламя свечи вновь осветило испуганное лицо Аделины. Перед ней стояла немолодая женщина среднего роста. Ее платиновая седина гармонировала с острой формой короткой стрижки. На черной кожаной куртке у гостя был пришит именной значок ветерана общественного труда, но освещение было слишком слабым, чтобы Аделина могла рассмотреть ее имя. Она смотрела на девушку строго, но при этом в ее взгляде ощущалось материнское сочувствие.

– Я знала, что найду тебя здесь. Евгений Валентинович сообщил мне о том, что передал тебе ключ.

«По крайней мере, передо мной не маньяк, это уже радует», – Аделина вздохнула с облегчением, но продолжала испуганно молчать.

– Я многое про тебя знаю, Аделина, а вот ты, похоже, не так хорошо осведомлена обо мне. Меня зовут Вершинина Лидия Аркадьевна, до недавнего времени я работала в отделе закупок нашего онкоцентра, а сейчас, как это принято говорить, уже нахожусь на заслуженном отдыхе.

Женщина тяжело вздохнула, поправив свой значок ветерана труда. Аделина, конечно, о ней слышала. Все признавали, что она была одной из самых мудрых сотрудниц отдела закупок онкоцентра. По правде говоря, сложно сказать, был ли ее отдых заслуженным или скорее вынужденным, история с ее увольнением была довольно непростой. Коллеги из общенациональной аптеки обсуждали эту историю при Аделине, но ей очень хотелось узнать подробности. Окончательно справившись со страхом после тревожного сна, она буквально засыпала женщину вопросами:

– А как давно это произошло? До этого времени Вы работали с Куденко? Что с ним сейчас?

Лидия Аркадьевна улыбнулась. Она не спешила отвечать.

– Ты задаешь много вопросов, но боишься задать главный. Ведь он уже несколько дней мучает тебя. А, может, даже несколько лет, просто раньше ты его осознавала не так остро и открыто. Но теперь ты больше не можешь скрывать его от себя.

Звонящая тишина напряженно повисла в комнате. К глазам Аделины подступили слезы. Ее действительно терзал один вопрос с самого первого дня ее работы здесь. С трудом разжав губы, она тихо произнесла:

– Для чего я здесь? Ради какой большой цели я тружусь?

Вершинина слегка кивнула, и Аделина продолжила рассуждения.

– Я чувствую, что у меня есть какая-то особая миссия, какое-то призвание, но я не могу его уловить. Я хочу сделать систему получения лекарств лучше. Более простой, понятной и справедливой. Но я боюсь многого. В особенности я боюсь подвергнуть сомнению Великую Справедливость, хотя я чувствую, что человек в силах изменять, вносить корректировки даже в работу самого ГАР... Это ведь не будет полным опровержением Великой Справедливости, это будет лишь попыткой сделать его лучше и стать лучше вместе с ним...

Лидия Аркадьевна смотрела на Аделину с мягкой покровительственной улыбкой.

– Я рада, что не ошиблась в тебе. Ты именно та, кто сможет продолжить наше дело. В свое время я обучала и Евгения, но он не всегда был достаточно сфокусирован на своей миссии. И потом... он начал вести себя неосторожно. Он даже пытался шантажировать руководство онкоцентра. Сиюминутные мелочные достижения отвлекали его внимание от главной цели. Я не осуждаю его, это свойственно людям – стремиться к более полному удовлетворению своих витальных потребностей. Но это и привело его в конечном итоге к больничной койке.

Аделина и раньше чувствовала, что история с Куденко не так проста, а сейчас у нее уже не осталось никаких сомнений относительно природы его «внезапной» болезни. Вершинина продолжала понемногу открывать перед ней их тайны.

– К счастью, реверс-инжиниринг внутренней программы распределения лекарств онкоцентра был им практически завершен, в ней не хватает лишь некоторых деталей. Эти бумаги, которые ты нашла здесь и хотела было в страхе уничтожить, на самом деле позволят нам выяснить настоящие причины того, почему некоторые пациенты в нашем онкоцентре не получают нужные им лекарства вовремя.

– Подождите... Здесь есть какая-то внутренняя программа, регулирующая получение лекарств пациентами? Я полагала, что все решения принимаются без участия человека или каких-то сторонних программ. Разве одного ГАР недостаточно?

Лидия Аркадьевна тяжело вздохнула.

– К сожалению, все гораздо сложнее, но обычным производителям общественных благ, конечно, не говорят, что в работу ГАР могут вноситься коррективы по усмотрению распорядителей на местах. Это может поколебать веру людей в его непредвзятую справедливость. В действительности единая система ГАР – не более, чем рамки для создания алгоритмов распределения благ на местах согласно базовым принципам Великой Справедливости. И порой те, кто должны бы были отслеживать их соблюдение, на деле наоборот ищут обходные пути, чтобы получить больше прибыли или больше власти над людьми.

Система оказалась еще сложнее, чем изначально полагала Аделина. «Прибыль, власть... Как будто у некоторых членов общества не было никаких потрясений, и результаты трех социальных революций для них остались лишь на бумаге. Если все действительно построено не на Великой Справедливости, а на выгоде отдельных лиц, то никакие корректировки Алгоритма Распределения Лекарств не помогут улучшить процесс получения препаратов пациентами, – озадаченно подумала Аделина. – Но если правда раскроется, то это в лучшем случае приведет к четвертой социальной революции, а в худшем – и вовсе подорвет веру людей в воз-

возможность справедливого возмещения их трудов затрат при выполнении общественно полезных задач в ближайшем столетии».

– Аделина, не пытайся сейчас рассуждать о том, что нас ждет в будущем. Будущее – это не статичный объект. Оно создается варибельным множеством наших выборов. Возможность изменить будущее есть всегда, даже если тебе сейчас кажется, что один человек не может идти против целой системы. Те жертвы, которые уже были принесены на алтарь Великой Справедливости, не были напрасно поглощены очистительным огнем войны и трех социальных революций. Они помогли тебе оказаться сейчас в этом кабинете, где ты встретила лицом к лицу со своими самыми сильными страхами.

– Страхом правды и...?

– Страхом перед самой собой, перед своими возможностями, перед риском полного краха привычной тебе системы. Но в основе всего лежит страх быть отвергнутой обществом и умереть в одиночестве. Именно этот корневой страх смерти ты и должна в себе побороть. Не только страх собственной смерти, но и страх смерти твоих близких, смерти всего привычного в этом мире. Только ощутив в себе подлинную свободу, ты сможешь помочь и другим обрести ее. Тогда ты найдешь верное решение.

Это было уже слишком. Слишком патетично, слишком философски, как-то не по-настоящему. Аделина чувствовала себя героем нелепого блокбастера, в котором должны умереть все ее близкие, а она сама, также умерев, должна затем воскреснуть и спасти этот мир, следуя канонам мета-религии.

– Мне просто немного не по себе от всего происходящего вокруг меня последние три дня. И то, что Вы говорите сейчас о какой-то особой миссии, о возможностях, которые я не должна упускать... Я не понимаю этого! Какой должна стать моя жизнь? Почему вообще именно я оказалась в фокусе Вашего внимания?

Казалось, что Лидия Аркадьевна читает ее мысли, как открытую книгу, потому что мягкая улыбка вновь коснулась ее строгих губ, едва Аделина начала говорить.

– Оглянись вокруг. Мир заснул много лет назад, молчаливо приняв приговор, вынесенный общенациональным поручением. Всех держат в страхе смерти, и это служит лучшей мотивацией к труду. Причем Распорядителям даже не надо брать на себя ответственность за судьбы людей или испытывать чувство вины перед теми, кто относится к низшим категориям общественной полезности. Они делают все, чтобы такие люди сразу ни на что не надеялись и, преклоняясь перед Великой Справедливостью, легко жертвовали своими жизнями ради накопления общенационального блага. В то же время, те супер-производители благ, кто еще хоть что-то может, сделают все, чтобы остаться на плаву и тянуть за собой своих иждивенцев.

«Идеальная социальная кинетическая система, к тому же с саморегуляцией и самоуничтожением путем легальной эвтаназии», – мрачно подумала Аделина. Вершинина продолжала свою трагическую и одновременно вдохновляющую речь.

– Ты отличаешься от остальных, ты другая. Тебе небезразличны причины тех явлений, которые ты наблюдаешь. Ты задаешь вопросы там, где другие лишь отводят глаза. Ты упорно работаешь, чтобы предложить лучшее решение из возможных. Ты достойна того, чтобы хотя бы попытаться что-то изменить. И я верю, что ты сможешь во всем разобраться. Аккуратно, шаг за шагом, с достаточной осторожностью, но ты придешь к тому, что позволит восстановить равные права всех пациентов на исцеляющие их болезни лекарства.

Аделина не думала, что такая скромная личность, как она, давно находится под чьим-то наблюдением и покровительством. Голова шла от всего этого кругом, но в целом она понимала, что пока для нее все складывается хорошо. Даже лучше, чем она могла надеяться, устраиваясь на работу в онкоцентр. Ведь на самом деле, она всю свою сознательную трудовую жизнь и хотела заниматься чем-то по-настоящему важным, а не просто работой, формально признанной «общественно полезной» деятельностью.

Она глубоко вздохнула и закрыла глаза. В ее голове мелькали картинки прошлой счастливой жизни, которой она не знала или не помнила, но отчетливо могла представить по рассказам старшей сестры. Она бежала по цветущему лугу в солнечных лучах летнего вечера, спотыкаясь и смеясь, навстречу своим счастливым и свободным от труда родителям. Но она никак не могла добежать до них, по изображению шла крупная рябь, и картинка стремительно менялась. Под тяжелыми облаками стального цвета люди в униформе шли стройными рядами, колонны бронетехники медленно ползли мимо оплетенных колючей проволокой бетонных заборов и безжизненных полей. Ослепительная вспышка взрыва заставила ее вздрогнуть и вернуться в действительность.

Все актуальные проблемы Аделины были не так уж велики, она была готова действовать.

– С чего я должна начать?

– Прежде всего, ты должна ознакомиться с той информацией, которую нам удалось собрать. В ней тоже есть свои закономерности и свои загадки.

Лидия Аркадьевна положила перед ней первую папку и села рядом. Некоторые бумаги пожелтели от времени и содержали записи, сделанные от руки, другие выглядели свежотпечатанными, на них колонками размещались какие-то бесконечные ряды цифр, похожие на двоичный код. Вероятно, это и был результат трудов Куденко по реверс-инжинирингу внутренней программы распределения препаратов в онкоцентре. Но как его использовать? В этой области компетенции Аделины были явно недостаточными. Поэтому она обратила свое внимание на те материалы, которые были представлены в понятной ей семантической форме.

Она увидела истории болезни нескольких пациентов, которые содержали данные о проведенных диагностических исследованиях, а также схемы лечения назначенными им препаратами. Ни один из этих пациентов, согласно заметкам, сделанным карандашом, не получил нужного препарата по причине констатации смерти мозга вскоре после перевода в отделение реанимации. И у всех был проведен забор жизнеспособных органов. Это показалось Аделине странным, ведь у быстро прогрессирующих пациентов запрещено брать органы для последующей трансплантации, они могут провоцировать развитие аналогичной формы рака у реципиента. Единственным объяснением могло быть реальное отсутствие у них заболевания, но тогда бы пришлось предположить фиктивность медицинских заключений. Вершинина показала девушке еще одну папку, которая была гораздо толще, чем первая.

– Здесь более краткая информация о тех пациентах, которые также не получили нужных им препаратов и умерли. Эти данные мы с Евгением собирали в течение трех лет. И на этой основе мы смогли понять, что «сбои» в работе Алгоритма Распределения Лекарств носят не случайный, а заранее заданный, или даже системный характер.

Аделина увидела среди вороха бумаг совсем свежую историю болезни Гурского и нахмурилась. Если другие пациенты ей были неизвестны, то его она еще успела застать в живых, поэтому сомневаться в данных не приходилось.

– В первой папке тоже недавно могло быть пополнение, но Евгений успел снять с себя метку смерти.

– Метку смерти? – Аделина испуганно захлопала глазами, подумав об амулете в виде перевернутого креста, который оказался ключом. – Речь идет об этом?

Вершинина осмотрела протянутый ей амулет и молча кивнула. Она развернула перед девушкой скомканный пожелтевший лист с изображением шести похожих символов и подписями на латинском языке.

Со стороны это напоминало средневековые мистические знаки, которыми алхимики обозначали планеты и химические элементы. Они тоже всю свою жизнь пытались найти панацею или философский камень, чтобы стать бессмертными и невероятно богатыми. А может, они, как и Аделина, просто хотели изменить этот мир к лучшему?

Лидия Аркадьевна продолжила свои пояснения:

– Те пациенты, чьи истории лежат в первой папке, в прошлом были сотрудниками разных обеспечивающих подразделений онкоцентра, которым стало что-то известно о корректировках Алгоритма Распределения Лекарств. Каждый из них незадолго до своей смерти получил необычный оберег-амулет. Они носили эти амулеты, не понимая их смысла, как обычное украшение. Но именно эти пациенты погибали быстрее остальных при нормальных результатах предварительных профилактических исследований. То есть мы можем предположить, что они были полностью здоровыми на момент госпитализации. Это подтверждает и тот факт, что у всех них были изъяты органы. Но после каких-то особых инъекций они превращались в изможденных, полусумасшедших стариков, так что ни у кого из их родственников не оставалось сомнений в факте наличия у них быстро прогрессирующего заболевания. Поэтому, даже когда они пытались кому-то что-то рассказать, их попросту не слушали, списывая все на психогенное влияние основного заболевания. А потом к ним и вовсе переставали кого-либо пускать. Поэтому то, как они на самом деле умерли, осталось тайной. Здесь есть серия изображений... Их портреты до госпитализации и после, а также фотографии странных отметок на теле, обнаруженных при посмертном осмотре.

Все это выглядело довольно жутко, отчасти даже похоже на ритуальные убийства. «Неужели древний культ Великого Хаоса продолжает существовать и в наше время? И среди кого... среди врачей лучшего в регионе медицинского центра! Невероятно», – подумала Аделина, всматриваясь в багровые отметки на телах пациентов, будто бы от каленого металла. Возможно, эти следы были нанесены самими амулетами. Но зачем?

– Зачем кому-то было нужно оставлять эти отметки на телах пациентов? Это часть какого-то ритуального культа?

– Сложно сказать, было ли это частью культа. Скорее, эти отметки им ставили еще при жизни. Ведь они могли избавиться от железного амулета, но не могли избавиться от этого клейма. Так что при любой последующей госпитализации их легко можно было идентифицировать по этим отметкам. Лично мне во всей этой истории видится больше криминала, чем оккультизма. Я полагаю, что все эти смерти были связаны с попыткой скрыть какую-то важную информацию. Но не исключаю и того, что наши распорядители относятся к какой-то опасной секте.

Действительно, мало кому захотелось бы искать правду при столкновении с такими откровенно пугающими историями, ведь страх молниеносно уничтожает любопытство. Но этот отвлекающий маневр не действовал на Аделину. Столкнувшись с чем-то пугающим, ей, как ученому, во что бы то ни стало хотелось найти рациональное объяснение. Так и в этот раз она постаралась трансформировать рефлекторно возникший страх в интерес к проблеме.

– А многие ли сотрудники знают о том, что, соприкоснувшись с некоторой... эмм... нежелательной информацией, они рискуют быть заклеяменными в прямом и переносном смысле?

– Подробности этой истории знают немногие, но всем производителям общественных благ известно, что они должны выполнять свои текущие задачи и не интересоваться исполнением задач другими сотрудниками, в особенности – сотрудниками более высокого уровня трудовой иерархии, и уж тем более – распорядителями. Каждый, преступивший закон информационной обособленности, может быть признан нарушителем социального порядка, а меры наказания таких нарушителей ты знаешь.

Ни один исполнитель общенациональных поручений не хотел нарушать установленный социальный порядок во избежание поистине суровых наказаний – временного или постоянного лишения статуса высшей категории общественной полезности, принудительных работ или отправки в передовой батальон на фронт. Любой из этих вариантов наказаний мог в скором времени привести нарушителя и даже его близких родственников к смерти.

Люди были приучены к соблюдению общественного порядка и считали эту систему наказаний справедливой, равно как и систему весьма скромного поощрения их самоотверженного

труда. Поощрение и не должно было быть большим, ведь они гордились уже тем, что живут в самой лучшей стране, которая, единственная во всем мире, смогла помочь своим гражданам выжить в ядерной катастрофе полвека назад и теперь позволяет им отдавать свой долг отечеству посредством общественно полезного труда. Никто не чувствовал себя лишним или бесполезным. И никого не интересовало, как идут дела у других граждан. Хотя не исключено, что в действительности они все же испытывали некоторое любопытство, но оно было подавлено страхом. А зачастую страх лишь заставляет быстрее бежать к тому, что его вызывает, и люди массово бежали к своей смерти, оставив надежду на получение исцеляющих их болезни лекарств. Многие даже не пытались отстаивать свои права, потому что им казалось проще сдаться.

Но Аделина была не такой, она была прирожденным борцом за свои права и общественные ценности. И она была готова бороться даже с собственной танатофобией, если это может помочь пациентам.

– Я понимаю риск, на который иду, включаясь в это расследование, но я готова рискнуть. Как я могу преодолеть в себе страх смерти?

– Ты должна шагнуть за грань привычной тебе реальности и погрузиться в свое подсознание. Так ты сможешь узнать свою тень и излечить главный страх – страх перед собой настоящей. Разрушение и смерть скрыты в самой тебе. Ты должна научиться бороться с хаосом бессознательного. Тренировки начнутся во снах и наяву, помощь придет тогда, когда это будет необходимо.

«Похоже, что первая тренировка у меня уже прошла, – решила Аделина, вспомнив свой кошмар с преследователем. Или это не было сном? – В любом случае, хорошо, что эта женщина пришла и будто бы осветила мой путь, развеяв малодушные сомнения. В одиночку с такими вещами сложно справиться».

– А кто будет мне помогать?

– Кроме меня, ты найдешь и других союзников, нужно лишь внимательнее смотреть вокруг. С некоторыми из них ты уже знакома. Другие могут препятствовать расследованию, будто бы оплетая твою дорогу интригами и напуская на правду мистический туман. Но ты справишься, просто верь и иди вперед. Больше я тебе пока ничего не могу сказать, у нас мало времени. Мне нужно закончить обряд очищения этой комнаты, чтобы тот, кто искал твоей смерти, не вернулся. Забери основные бумаги и оставь здесь амулет, чтобы не подвергать себя опасности. Остальное сделает огонь.

С этими словами женщина поднесла догорающую свечу к оставшимся в шкафу бумагам, и они быстро вспыхнули высоким столбом пламени. Комнату заволкло едким дымом, скрывшим фигуру Вершининой, и Аделина, закрыв лицо, поспешила выйти из кабинета и спуститься по запасной лестнице.

Она оказалась прямо на заднем дворе главного здания. «Интересно, кто же мой союзник», – подумала она, выискивая безопасное место для того, чтобы где-то спрятать бумаги. Везти их домой ей не хотелось. – Может, это Златогорский? Ведь он предлагал мне свою помощь и вообще кажется по-настоящему заинтересованным в том, чтобы сделать жизнь пациентов лучше. Я должна сообщить ему о том, что готова к сотрудничеству».

Аделина нашла небольшую пустую нишу в основании здания, отодвинула прикрывающий ее пластиковый щиток, аккуратно сложила туда полученные бумаги и снова плотно закрыла углубление, хорошенько замаскировав сухими ветками. В этом месте никто давно не ходил, и она была уверена, что ее тайник не будет обнаружен.

Вернувшись домой, Аделина первым делом села за работу над адаптацией своей программы по повышению доступности лекарств к условиям работы онкоцентра, чтобы предста-

вить ее на рассмотрение Златогорского немного раньше назначенного им срока. Было уже довольно поздно, и от усталости Аделине показалось, что изображение на сенсорном экране немного рябит. Неожиданно экран вспыхнул ослепительно белым светом и потух. «Никогда такого не было, что за странный сбой?» – озадаченно подумала девушка, и тут она поняла, что в комнате кто-то есть. Она резко обернулась и увидела в кресле незнакомого человека в маске странного глазастого зверя.

Не успела она его как следует рассмотреть, как рядом появился еще один, он буквально вышагнул из стены. На нем тоже была маска неизвестного зверя, на этот раз с маленькими, близко посаженными глазами и большим носом.

Аделина обернулась вокруг, повсюду появлялись и исчезали фигуры людей в звериных масках. «Что за безумный зоопарк?», – пробормотала она в растерянности. Она попыталась поймать хотя бы одного, но их фигуры сразу же растворялись, как только она их касалась. И все же, одного ей удалось схватить и быстро сдернуть маску. Под ней оказалось ее собственное лицо.

Тогда все фигуры начали снимать свои маски, и под каждой из них Аделина видела себя. Она побежала через плотный коридор сменяющих друг друга фигур в масках и в конце столкнулась с последней из них. Этот образ не растворился в воздухе, когда она его коснулась. В отличие от остальных он оставался стабильным и смотрел сквозь забавную ушастую маску лисы на Аделину. Она медленно сняла с него маску, которая оказалась очень тяжелой. За ней было смутно знакомое лицо приятного на вид молодого человека с глазами цвета морской волны. Он смотрел прямо на нее и, улыбаясь, едва прикоснулся пальцем к сомкнутым губам, призывая Аделину к молчанию.

В тот же момент она проснулась. «Опять заснула прямо за компьютером!», – раздосадовано подумала она и отправилась в спальню. Она и не догадывалась, что ей вслед продолжал смотреть тот самый молодой человек с ультрамариновыми глазами.

Глава 6

Златогорский был достаточно проницательным руководителем, поэтому с самой первой встречи с Аделиной был уверен, что все поручения она будет выполнять раньше срока. Поэтому, когда в его дверь постучали, едва рабочий день успел начаться, он уже знал: это она.

– Входите, Аделина Викторовна!

Девушка в недоумении осмотрелась в поисках камеры наблюдения и грустно вздохнула, увидев сразу три объектива, нацеленные на нее. «А я-то думала, что он проницательный...», – подумала она, доставая бумаги из папки, и сдержанно поприветствовала Владимира Геннадьевича.

– Не стесняйтесь, проходите! Признаться, я даже рад, что мой рабочий день начался именно с Вашего визита. Вы принесли документы на согласование?

– Да, здесь несколько документов по исполнению текущих задач из нашей аптеки, меня попросили заодно занести их Вам на подпись. Но вообще я хотела бы обсудить с Вами мой личный проект по развитию фармацевтической службы онкоцентра.

Аделина взяла небольшую паузу, она колебалась, стоит ли идти ва-банк и говорить Златогорскому о том, что ей стало известно от Вершининой о работе Алгоритма Распределения Лекарств. Но если он не является их союзником, то это слишком рискованно. Она посмотрела на голограмму Созвездия Героев, вращающуюся за его креслом, и решила попытаться осторожно выяснить, может ли она ему доверять. Владимир Геннадьевич почувствовал, что девушку что-то беспокоит и отложил в сторону планшет, на котором одна за другой появлялись срочные задачи для исполнения и делегирования.

– Я выслала Вам презентацию, в которой привела наглядную аналитику по лекарственным процессам в химиотерапевтических отделениях онкоцентра. Мы можем изменить горизонт планирования и сделать наши заказы более точными. Это позволит нам обеспечивать пациентов препаратами быстрее настолько, что мы достигнем практически девяноста процентов обеспеченности лекарствами. При нашем текущем показателе в районе шестидесяти пяти – семидесяти процентов это было бы хорошим результатом. Я занималась обучением Алгоритма общенациональной аптеки для решения подобных логистических задач, работа не займет много времени.

В изумрудно-зеленых глазах Златогорского мелькнули уже знакомые Аделине лукавые огоньки, уголки его губ слегка дрогнули в едва заметной ироничной улыбке.

– Вам кажется некорректным Алгоритм Распределения Лекарств в нашем онкоцентре? Или... имеете смелость считать недостаточно справедливым сам принцип случайного распределения?

Аделина краем глаза заметила, что на одном из электронных устройств, лежащих на столе, автоматически активировалась запись разговора. «Наивно было полагать, что я смогу поговорить с ним открыто прямо здесь, в его „умном“ кабинете, где даже обычная шариковая ручка может иметь скрытую камеру и диктофон», – подумала она и приготовила дежурную улыбку, стараясь обратить ироничный тон руководителя против него самого.

– Моя должность не позволяет мне иметь какой-либо иной смелости за исключением той, что дает мне возможность приходить за советом напрямую к Вам. И сейчас я хотела бы уточнить у Вас, какой путь совершенствования работы фармацевтической службы Вам кажется приемлемым. Решение задач логистики поставок никак не противоречит принципам обезличенного распределения препаратов, заложенным в Алгоритме. Напротив, мы сможем избежать нехватки препаратов в отделениях.

– Разве в наших отделениях есть какая-то нехватка?

– Явной нехватки нет, поскольку отделения постоянно перемещают препараты, передавая их друг другу. Но это сильно отвлекает как медицинский, так и фармацевтический персонал от решения более важных задач.

– Более важных задач? – ироничный тон прозвучал в вопросе Златогорского еще отчетливей. – Каких, например? Утешения пациентов и их родственников? Наблюдения за процессом распада их тел? Проверки автоматически формирующихся текущих отчетов?

Это была уже не просто ирония, а скорее полное обесценивание всей работы персонала. Предположение Аделины о нем, как о циничном человеке, кажется, начинало оправдываться. Но следующая его фраза заставила ее переосмыслить ситуацию.

– Знаете, что на самом деле важно? Важно то, что делаем мы с Вами, а не то, что делают в отделениях или аптеке. Проблемы с распределением лекарств всегда были и будут оставаться до тех пор, пока препаратов мало. А их будет мало, пока мы не решим вопрос с получением дополнительного финансирования. Я тоже поставлен в жесткие рамки, мои руки связаны недостатком бюджета.

– Но ведь онкология имеет приоритетное финансирование?

– Приоритетное среди других областей медицины, но далеко не приоритетное среди всех сфер экономики. Гораздо больше средств было направлено на поддержку и развитие промышленности, в том числе инновационной фармацевтики. Кроме того, главным распорядителям благ нашей страны приходится решать множество непростых вопросов по преодолению экологического и продовольственного кризиса. До сих пор многие вынуждены жить и работать в зонах с неблагоприятным радиационным фоном, постоянно носить защитную одежду,

питаться модифицированной пищей. Вы видели свежую статистику по итогам 2074 года? Занимательное чтение. Более восьмидесяти процентов людей низшей категории общественной полезности выбирают для себя эвтаназию в возрасте до 40 лет как наиболее гуманный по отношению к обществу исход.

Разговор взволновал Аделину еще больше. Владимир Геннадьевич, напротив, выглядел довольно спокойным. Он давно уже варился в этой теме, и его мышление привыкло к масштабу проблемы. К тому же он четко понимал, за что он действительно несет ответственность, а что не в силах изменить. Аделина понимала, что ее вопрос о причинах нехватки средств на медицину в условиях масштабного развития фармацевтической промышленности может прозвучать для него так же наивно, как вопрос ребенка о том, почему на картинках в старых книгах небо голубое, а не серое, к которому все привыкли за последнее десятилетие. Это было их объективной реальностью, и нужно было разрабатывать планы действий, исходя из конкретной действительности. Она попробовала рассуждать логически:

– Но ведь фармацевтические компании должны быть тоже заинтересованы в том, чтобы их продукция использовалась как можно чаще. А для того, чтобы люди могли потреблять больше лекарств, они должны дольше жить.

– Либо их должно быть больше, и они должны больше болеть, тогда продолжительность жизни не так важна.

– Не важна? Для экономики страны гораздо важнее, чтобы трудоспособное население, получив необходимые компетенции, работало как можно дольше и приносило больше налогов, разве это не так?

– Конечно, так. Поэтому они и поддерживают максимально долго трудоспособность и, соответственно, здоровье супер-производителей общественных благ, производителей высшей общественной полезности. На остальные категории населения качественных лекарств попросту не хватает, да и нет в их лечении глубокого экономического смысла.

«Смысла нет, но лечить мы их пытаемся... Кто знает, в какой категории общественной полезности окажется человек завтра. Может, сегодня он обычный химик-лаборант, а завтра он найдет формулу нового лекарства», – размышляла Аделина, пытаюсь справиться с чувством безысходности.

– Скажите честно. Во всей этой ситуации, которую Вы описали, есть ли хоть малейший шанс что-то изменить? Что может стать движущей силой этих изменений?

Владимир Геннадьевич посмотрел девушке в глаза. В его взгляде не было насмешки или презрения, на самом деле он был озадачен этой ситуацией не меньше. И похоже, что решение у него уже было практически готово.

– Мы должны объединить наши усилия с фармацевтическими и страховыми компаниями. Именно они являются держателями бюджета. Но и для них нужно готовить достойное обоснование нашей потребности, иначе никто не пойдет нам навстречу. К этой работе я и хотел Вас подключить. А наш Алгоритм Распределения Лекарств трогать я вам не советую.

– Это может быть... небезопасно?

– Да нет, вся эта шумиха насчет общенационального контроля через системы слежения за беспрекословной верой в Великую Справедливость явно преувеличена. Так что это никак не повредит Вашей безопасности, просто не хотелось бы, чтобы Вы зря тратили время на то, что не даст никакого эффекта.

– А что же я должна буду делать?

– Вас ждет новая жизнь, – Владимир Геннадьевич расслабленно откинулся на спинку высокого кресла, обтянутого натуральной кожей. – Вы сможете посещать масштабные конференции, выступать с докладами. Вы должны стать лицом нашей фармацевтической службы, моим помощником по всем вопросам, связанным с лекарственными препаратами. Будете принимать участие в переговорах. Вы девушка молодая, симпатичная, неглупая, будете украше-

нием любого совещания или бизнес-ужина. При общении с приятными девушками многие представители компаний говорят куда откровеннее и обещают куда больше, чем при общении со скучными администраторами системы, такими, как я, например.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.